

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ СТИВЕН БАКСТЕР

БЕСКОНЕЧНАЯ ЗЕМЛЯ

The Long Earth

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

Бесконечная земля

Терри Пратчетт

Бесконечная земля

«ЭКСМО»

2012

Пратчетт Т.

Бесконечная земля / Т. Пратчетт — «Эксмо»,
2012 — (Бесконечная земля)

Ваши возможности безграничны, только будьте осторожны в своих желаниях... 1916: Первая мировая война. Западный фронт. Рядовой Перси Блэрни очнулся среди... сочной весенней травки. Он слышит пение птиц и ветер, шелестящий листьями деревьев. Куда же подевались грязь, кровь и развороченная взрывами земля? И, собственно говоря, куда попал Перси? 2015: Мэдисон, штат Висконсин. Офицер полиции Моника Янсон проводит осмотр сгоревшего дома, который принадлежит ученому-затворнику, а по слухам, не то безумцу, не то очень опасному типу. Тщательно осматривая пожарище, Янсон находит удивительный прибор: коробочку с элементарной проводкой, выключателем на три положения и... картошкой. Это прототип изобретения, которое изменит мировоззрение человечества навсегда. Первый роман, написанный в соавторстве Терри Пратчеттом, создателем «Плоского мира», и известным писателем-фантастом Стивеном Бакстером, увлечет читателя в бесконечность новых миров. Все, что для этого надо, – сделать первый шаг...

© Пратчетт Т., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	36
Глава 11	38
Глава 12	44
Глава 13	50
Глава 14	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Терри Пратчетт, Стивен Бакстер

Бесконечная Земля

Как всегда, посвящая Лин и Райане

Т. П.

Сандре

С. Б.

Terry Pratchett & Stephen Baxter

THE LONG EARTH

Copyright © Terry and Lyn Pratchett and Stephen Baxter 2012

All rights reserved

First published as The Long Earth by Transworld Publishers, a division of
Random House Group Ltd.

© В. Сергеева, перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Глава 1

Рядовой Перси проснулся на лесной опушке от пения птиц. Он уже давно не слышал птиц – об этом позаботились пушки. Некоторое время он просто радовался тому, что вокруг благословенная тишина.

Впрочем, он слегка беспокоился, пускай и отстраненно, отчего лежит в сырой, хоть и благоуханной, траве, а не в своем спальнике. Ах да, благоуханная трава. Там, где он был до тех пор, благоухания явно не доставало. Кордит, масло, горящая плоть, вонь немытых тел – вот к чему он привык.

Рядовой Перси подумал: может быть, он умер? В конце концов, бомбили жутко.

Что ж, если он умер, значит, это место вполне сойдет за рай, по сравнению с миром, полным адского шума, воплей и грязи. А если он жив, то сержант скоро поднимет его пинком, критически осмотрит с головы до ног и погонит по лужам за чаем и пирожком. Но сержанта здесь не было, и никто не шумел, не считая птиц в кронах деревьев.

«Деревьев?..» – подумал рядовой Перси, когда по небу разлился рассвет.

Когда он вообще в последний раз видел дерево, которое хотя бы отдаленно напоминало такое? Дерево, не растерявшее листву, не разбитое в щепки снарядом. А здесь рос целый лес.

Рядовой Перси был практичный и рассудительный молодой человек, а потому решил не беспокоиться о деревьях, которые ему, должно быть, снились: деревья никогда не пытались его убить. Он снова лег и, видимо, задремал. Когда он открыл глаза, стоял ясный день и рядовому Перси очень хотелось пить.

День... Но где? Наверное, во Франции. Конечно, во Франции. Снаряд, который оглушил Перси, не мог отбросить его слишком далеко; он, разумеется, по-прежнему находился во Франции, но почему-то в лесу, которого раньше не было. И без традиционной французской музыки, то есть без грохота орудий и человеческих воплей.

Произошло нечто весьма загадочное. И вдобавок Перси умирал от жажды.

Поэтому он, как говорится, сунул заботы в заплечный мешок, в божественной тишине, нарушаемой лишь пением птиц, и подумал, что в песенке есть доля истины. Что толку беспокоиться? Случившееся и впрямь не стоило волнений, особенно для человека, у которого на глазах люди испарялись, словно роса поутру.

Но, встав, Перси ощутил знакомую боль в левой ноге, глубоко в кости. Напоминание о ране, которой оказалось недостаточно, чтобы отправить его домой. Зато он получил легкую работу в маскировочном подразделении и носил в мешке помятую коробку с красками. Какой же это сон, если нога болит. Но на прежнем месте он не был, вот уж точно.

Пока рядовой Перси пробирался меж деревьев, направляясь в ту сторону, где заросли, как казалось, редели, ему в голову пришла неожиданная мысль: за каким чертом мы пели? Мы что, с ума сошли? О чем мы думали? Повсюду валялись оторванные руки и ноги, люди превращались в месиво из мяса и костей. А мы пели!

Чертовы, чертовы идиоты.

Через полчаса рядовой Перси спустился по склону к ручью, текущему в тенистой долине. Вода была солоноватая, но сейчас он бы напился даже из лошадиной колоды, причем рядом с лошадьёю.

Он шагал вдоль ручья до места, где тот впадал в реку. Река ничего особенного собой не представляла, но рядовой Перси вырос в деревне и знал, что под берегом наверняка водятся раки. Еще через полчаса упомянутые раки весело скворчали на огне. Он никогда еще не видел таких больших. И в таком количестве. И таких сочных! Он ел, пока не заболел живот, поворачивая добычу на прутике над торопливо сооруженным костерком и разрывая мясо руками.

Перси подумал: «Наверное, я все-таки умер и попал в рай. И я не против, потому что, ей-богу, ад я уже видел».

Вечером он устроился на ночлег на поляне у реки, подложив вещевой мешок под голову. Когда на небе показались звезды – очень яркие, каких он никогда не видел, – Перси начал напевать «Сунь заботы в заплечный мешок и шагай». Он замолк, не допев, и заснул сном праведника.

Когда солнце вновь коснулось его лица, Перси проснулся, отдохнувший и свежий, сел... и застыл неподвижно, как статуя, под спокойными взглядами, устремленными на него.

Сидя в ряд, примерно вдесятером, они наблюдали за ним.

Кто они были такие? Или – что они были такое? Они походили на медведей, но морды у них напоминали не медвежьи, а скорее обезьяньи, только крупнее. Они безмятежно рассматривали его. Перси подумал: кажется, это точно не французы.

Он все-таки попытался заговорить по-французски:

– Парлэ бюффон...

Они тупо смотрели на него.

В наступившей тишине, чувствуя, что странные существа ждут чего-то большего, Перси откашлялся и запел «Сунь заботы в заплечный мешок».

Незнакомцы слушали очень внимательно, пока он не закончил. Потом переглянулись. Наконец, словно придя к какому-то соглашению, один шагнул вперед и запел то же самое. Причем совершенно не фальшивя.

Рядовой Перси изумленно слушал.

Век спустя

Прерия была плоской, зеленой, плодородной. Кое-где далеко росли дубы. Небо весело голубело, как на открытке. На горизонте двигалось облако пыли – там несло стадо каких-то животных.

Послышался легкий вздох. Сторонний наблюдатель, случайно оказавшийся поблизости, ощутил бы слабый порыв ветерка.

На траве лежала женщина.

Ее звали Мария Валиенте. На ней был любимый розовый свитер из ангорки. Ей было всего пятнадцать, но она рожала. Худенькое тело содрогалось от боли схваток. Несколько секунд назад она не знала, чего боится больше – родов или гнева сестры Стефании, которая отняла у нее обезьяний браслет, сказав, что это греховный символ. Кроме браслета, у Марии не осталось никакой памяти о матери.

И вот теперь – это. Открытое небо вместо пожелтевшего от никотина потолка. Трава и деревья вместо истертого ковра. Все было не так. Но *куда* она попала? Где Мэдисон? И *как* она сюда попала?

Неважно. Ее вновь пронзила боль, и Мария почувствовала, что ребенок выходит на свет. Никто не мог помочь, даже сестра Стефания. Девушка закрыла глаза, закричала, стала тужиться...

Ребенок скользнул на траву. Мария кое-что знала о родах, а потому дождалась, пока выйдет послед. Когда все закончилось, между ног было сыро и мокро, а на земле лежал младенец, покрытый липкой кровавой слизью. Он открыл рот и тоненько запищал.

Вдалеке послышался звук, похожий на гром. Рев как в зоопарке.

Львиный рык.

Лев?! Мария снова завопила, на сей раз от ужаса...

Крик оборвался, словно его выключили. Мария исчезла. Ребенок остался один.

Один перед лицом Вселенной, которая подступала со всех сторон и обращалась к нему множеством голосов. А за ними стояла великая Тишина.

Детский плач превратился в воркование. Тишина была приятна.

Снова слышался вздох. Мария вернулась в зеленый мир под синим небом. Она села и в панике огляделась. Лицо у нее было серое: она потеряла много крови. Но с ребенком ничего не случилось.

Девушка подняла свое дитя вместе с последом – она даже не перевязала пуповину, – завернула в свитер из ангорки и принялась укачивать. Личико малыша было странно спокойным. А она уж думала, что потеряла его.

– Джошуа, – сказала она. – Тебя зовут Джошуа Валиенте.

Тихий хлопок – и они оба исчезли.

Давным-давно, где-то рядом

Совершенно иная версия Северной Америки баюкала на груди огромное, окруженное сушей, соленое море. Оно кишело микроскопической жизнью, которая представляла единый гигантский организм.

В этом мире, под небом, затянутым облаками, мутное море наполнилось одной-единственной мыслью.

Я.

За этой мыслью последовала другая.

Зачем?

Глава 2

Банкетка рядом с замысловатым аппаратом по продаже напитков была очень удобна. Джошуа Валиенте не привык к комфорту. Не привык к приятному ощущению от пребывания в здании, где мебель и ковры как будто источали тишину. Рядом с шикарной банкеткой лежала куча глянцевого журналов, но Джошуа не любил блестящую бумагу. Книжки? Книжки – да. Джошуа любил книжки, особенно в бумажной обложке. Легкие, удобно носить, а если не захочется перечитывать, то для тонкой мягкой бумаги всегда найдется применение.

Обычно, когда нечем было заняться, он слушал Тишину.

Здесь Тишина звучала слабо. Ее почти заглушал шум повседневной жизни. Неужели люди в этом шикарном здании не понимают, как они шумят? Рев кондиционеров и вентиляторов, шелест многочисленных разговоров – слышный, но неразборчивый, – приглушенные звонки телефонов, записанные на пленку голоса людей, которые говорили, что на самом деле их тут нет, пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала (и следовал сигнал). Джошуа находился в Трансземном институте – филиале корпорации Блэка. Безликие помещения, сплошь гипсокартон и хром. И надо всем властвовал огромный логотип – шахматный рыцарь. Это не был мир Джошуа. Ничто здесь не принадлежало ему. Впрочем, если подумать, он не ограничивался каким-то одним миром – Джошуа принадлежали они все.

Вся Долгая Земля.

Неведомые миры. Больше, чем можно сосчитать. Нужно было лишь идти по ним, из одного в другой. Бесконечная вереница.

Что невероятно раздражало экспертов, например профессора Вотана Ульма из Оксфордского университета.

– Эти последовательные Земли, – сказал он в интервью Би-би-си, – различаются лишь в частностях. И, кроме того, они пусты. Ну... полны они в основном лесами и болотами. Огромными, темными, молчаливыми лесами и глубокими, топкими, смертельно опасными болотами. Но людей там нет. Земля переполнена, а Долгая Земля пуста. Не повезло Адольфу Гитлеру, которому нигде не позволили выиграть войну! Ученым трудно даже говорить о Долгой Земле, не разводя болтовню про мембранное разнообразие и множественные вселенные. Послушайте – возможно, вселенная раздваивается всякий раз, когда падает лист. Миллиарды новых ответвлений каждую секунду. Вот что нам говорит квантовая физика. Но речь не идет о том, чтобы пережить миллиард реальностей; квантовое состояние накладывается, как гармоники в скрипичной струне. Но, видимо, бывают времена – когда пробуждается вулкан, падает комета или кто-нибудь предает настоящую любовь, – когда удастся обнаружить отдельную эмпирическую реальность, ответвление квантовой нити. И, может быть, эти нити пропущены все вместе через какое-то более высокое измерение по принципу сходства, и возникает цепочка миров. Или что-нибудь такое. Может быть, мы спим и видим сон. Коллективное воображение человечества. Суть в том, что мы ошеломлены этим феноменом точно так же, как был бы ошеломлен Данте, если бы ему показали расширяющуюся вселенную Хаббла. Даже термины, которые мы используем для описания Долгой Земли, уместны ничуть не больше аналогии с колодой карт, которая так нравится многим: Долгая Земля, мол, представляет собой огромную колоду трехмерных плоскостей, существующих в пространстве более высокого порядка, причем каждая карта представляет собой целую Землю. И, что самое важное, для большинства людей Долгая Земля открыта. Почти кто угодно может путешествовать по этой колоде туда-сюда, ввинчиваясь вглубь. Люди начинают занимать максимум свободного места. Ну, разумеется. Это изначальный инстинкт. Мы, обезьяны равнин, по-прежнему боимся леопарда в темноте; если рассредоточиться, хищник не переловит всех. Феномен Долгой Земли пугает нас. Не укладывается в схему. Почему гигантская колода карт предстала человечеству именно теперь, когда

оно остро нуждается в свободном пространстве? Но, значит, наука – не что иное, как скопление вопросов, которые ведут к новым вопросам, и тем лучше, иначе никакой карьеры, правда? И каковы бы ни были ответы, поверьте, жизнь людей меняется... достаточно, Иокаста? Какой-то идиот схватился за ручку, когда я упомянул Данте.

Разумеется, Джошуа понимал, что Трансземной институт возник, чтобы извлекать выгоду из грядущих перемен. Предположительно, именно поэтому Джошуа и привезли туда издавека, отчасти против воли.

Наконец дверь открылась. Вошла молодая женщина, держа в руках лэптоп, тонкий, как золотой осенний лист. У Джошуа в Приюте тоже был лэптоп, но толстый и старый. В основном он пользовался им, разыскивая способы приготовления пищи на природе.

– Мистер Валиенте? Очень приятно. Меня зовут Селена Джонс. Добро пожаловать в Трансземной институт.

Он подумал, что она очень красива. Джошуа нравились женщины, и свои немногочисленные короткие романы он вспоминал с удовольствием. Но он проводил с женщинами мало времени и страшно стеснялся.

– «Добро пожаловать»? Да вы мне не оставили выбора! Вы узнали мой адрес. Значит, вы правительство.

– Вы ошибаетесь. Мы иногда работаем на правительство, но мы совершенно точно не оно.

– У вас все законно?

Она виновато улыбнулась.

– Лобсанг подобрал код к вашей электронной почте.

– А кто такой Лобсанг?

– Я, – сказал автомат с напитками.

– Ты автомат с напитками, – ответил Джошуа.

– Вы ошибаетесь в своем предположении. Хотя я действительно могу за считанные секунды предоставить напиток по вашему выбору.

– На тебе написано «Кока-кола»!

– Прощу прощения, я пошутил. Но если бы вы рискнули бросить в прорезь доллар в надежде получить освежающий напиток на содовой основе, я бы, разумеется, вернул деньги. Или выдал бы газировку.

Джошуа тщетно пытался осмыслить происходящее.

– Лобсанг... а дальше?

– У меня нет фамилии. В старину на Тибете только у аристократов и живых Будд были фамилии, Джошуа. Лично я не предъявляю подобных претензий.

– Вы компьютер?

– А почему вы спрашиваете?

– Потому что я, черт возьми, уверен, что в автомате не сидит человек, и потом, вы странно выражаетесь.

– Мистер Валиенте, я говорю гораздо более внятно и правильно, чем любой из ваших знакомых. И я действительно не сижу в автомате. Во всяком случае, целиком.

– Перестань дразнить гостя, Лобсанг, – сказала Селена, поворачиваясь к Джошуа. – Мистер Валиенте, я знаю, что вы были... не здесь, когда мир впервые узнал про Лобсанга. Он уникален. Физически он – компьютер, но раньше он... как бы объяснить... он чинил мотоциклы на Тибете.

– И как же он попал с Тибета в автомат с напитками?

– Это долгая история, мистер Валиенте...

Если бы Джошуа не отсутствовал так долго, он бы знал про Лобсанга. Лобсанг был первой машиной, сумевшей убедить суд в том, что он – живой человек.

– Конечно, – сказала Селена, – некоторые компьютеры шестого поколения уже пытались это проделать. Если они оставались в соседней комнате и общались через микрофон, некоторые олухи принимали их за людей, хотя с точки зрения закона это ничего не доказывает. Но Лобсанг не утверждает, что он – мыслящая машина, и не требует никаких прав на этом основании. Он сказал суду, что в прошлой жизни был тибетцем. Тут-то они и попались, Джошуа. Мир по-прежнему неизменно верит в реинкарнацию, и Лобсанг попросту заявил, что переродился в виде компьютерной программы. В суде было засвидетельствовано – я покажу вам протоколы, если угодно, – что соответствующее ПО появилось именно в ту микросекунду, когда в Лхасе умер работник мотоциклетной мастерской с совершенно непроизносимым именем. С точки зрения развоплощенной души двадцать тысяч терафлопсов технического гения на гелиевой основе, видимо, ничем не отличаются от нескольких фунтов дряблой мозговой ткани. Значительное количество экспертов подтвердили удивительную точность отрывочных воспоминаний Лобсанга о своей прошлой жизни. И я сама видела дальнего родственника покойного, маленького жилистого старичка с лицом, похожим на сушеную грушу, который несколько часов радостно болтал с Лобсангом, вспоминая прежние веселые деньки в Лхасе.

– Но зачем? – спросил Джошуа. – Что он на этом выиграл?

– Я здесь, перед вами, – заметил Лобсанг. – И я не деревянный, прошу заметить.

– Извините.

– Что я приобрел? Гражданские права. Безопасность. Право владеть собственностью.

– Выключить вас – значит убить?

– Да. Кстати говоря, это физически невозможно, но не будем вдаваться в подробности.

– Значит, суд признал вас человеком?

– Юридического определения, что есть человек, никогда не существовало.

– И теперь вы работаете в Трансземном институте.

– Более того, я им отчасти владею. Дуглас Блэк, основатель Института, не колебался ни секунды, предлагая мне партнерство. Не только из-за моей славы, хоть его и влечет к курьезам. Но главное – из-за моего сверхчеловеческого интеллекта.

– Да уж.

Селена попросила:

– Давайте вернемся к делу. Вас долго разыскивали, мистер Валиенте.

Джошуа взглянул на нее и мысленно сделал пометку: надо постараться, чтобы в следующий раз искали еще дольше.

– Ваши визиты на Землю достаточно редки.

– Я не покидаю Земли.

– Вы ведь понимаете, что я имею в виду *эту* Землю, – сказала Селена. – Базовую. Или хотя бы какую-нибудь из Ближних Земель.

– Я не заключаю контрактов, – быстро ответил Джошуа, стараясь не выказывать раздражения. – Предпочитаю работать один.

– По-моему, еще мягко сказано.

Джошуа нравилось жить в своих фортах, в мирах, находившихся далеко от Базовой Земли. Слишком далеко для большинства путешественников. Но даже там он настороженно относился к любой компании. Говорят, Дэниэл Бун собирал барахлишко и переселялся, если видел хотя бы дымок чужого костра. По сравнению с Джошуа он был патологически общителен.

– Но тем-то вы и полезны. Мы знаем, что вы не нуждаетесь в обществе других людей. – Селена предупредительно вскинула руку. – Нет, вы не социопат. Но подумайте... До открытия Долгой Земли никто за всю историю человечества не оставался в одиночестве – я имею в виду, в настоящем одиночестве. Даже самый упорный моряк не сомневался, что где-то там кто-нибудь да есть. Даже высадившиеся на Луну астронавты видели Землю. Все всегда знали, что люди в пределах досягаемости.

– Да, а при наличии Переходника они в пределах одного шага.

– Наши инстинкты считают иначе. Знаете, сколько пионеров предпочитают путешествовать в одиночку?

– Нет.

– Нисколько. Ну... почти нисколько. Оказаться одному на целой планете, а может быть, единственным мыслящим существом во Вселенной? Девяносто девять из ста этого не выдерживают.

Джошуа подумал: он-то никогда не оставался один. Ведь по ту сторону неба всегда была Тишина.

– Как сказала Селена, тем-то вы и полезны, – подхватил Лобсанг. – Эти ваши качества мы обсудим позднее. Ну и потом, у нас есть средство давления...

До Джошуа дошло.

– Вы хотите, чтобы я отправился в путешествие по Долгой Земле.

– Ведь это у вас исключительно хорошо получается, – сладко проворковала Селена. – Нам нужно, чтобы вы отправились в Верхние Меггеры, Джошуа.

Нынешние пионеры называли Верхними Меггерами миры, расположенные более чем в миллионе переходов от Земли и по большей части остававшиеся легендами.

– Зачем?

– Причина самая невинная, – ответил Лобсанг. – Чтобы посмотреть, что там.

Селена улыбнулась.

– Информация о Долгой Земле – товарный запас Трансземного института, мистер Валиенте.

Лобсанг оказался разговорчивее.

– Вы подумайте, Джошуа. Всего пятнадцать лет назад человечество знало лишь один мир и мечтало еще о двух-трех. Притом это были миры в пределах Солнечной системы, бесплодные и ужасно дорогие в плане досягаемости. А теперь у нас есть ключ к бесчисленным копиям Земли! И мы едва-едва исследовали даже ближайшие из них! Вот наш шанс!

– Наш шанс? – переспросил Джошуа. – Вы идете со мной? Ничего себе контракт. Компьютер нанимает меня в качестве шофера?

– Да, примерно так, – ответила Селена.

Джошуа нахмурился.

– И с какой стати мне соглашаться... Вы что-то сказали про способ давления?

Селена спокойно произнесла:

– Все в свое время. Мы изучали вас, Джошуа. Впервые вы появились в нашем досье благодаря рапорту сотрудника Мэдисонского полицейского управления Моники Янсон, написанному сразу после Дня перехода. Она составила рапорт о загадочном мальчике, который сумел вернуться обратно, приведя с собой остальных детей. Как маленький гамельнский крысолов. В свое время вас назвали бы знаменитостью.

– Или колдуном, – ввернул Лобсанг.

Джошуа вздохнул. Ему когда-нибудь позволят забыть о том дне? Он никогда не хотел быть героем и терпеть не мог, когда люди странно на него смотрели. Да и вообще смотрели хоть как-нибудь.

– Там был бардак и ничего особо страшного, – сказал он. – Как вы докопались?

– Мы читали полицейские отчеты. Вроде рапорта Янсон, – ответил автомат с напитками. – Полицейские все кладут в папку и хранят. А я люблю папки. Они содержат интересные вещи. Так, например, я узнал про вашу мать, Джошуа. Ее звали Мария, если не ошибаюсь?

– Это не ваше дело.

– Джошуа, мне есть дело до каждого – и каждый задокументирован. Бумаги рассказали о вас все. Что вы, возможно, исключительная личность. Что вы были на Долгой Земле в День перехода.

– В День перехода там была толпа.

– Да, но вы-то не испугались, правда, Джошуа? Вы чувствовали себя так, как будто вернулись домой. Впервые в жизни вы поняли, что оказались в самом правильном месте...

Глава 3

День перехода. Пятнадцать лет назад. Джошуа едва исполнилось тринадцать.

Потом все вспоминали, что делали в День перехода.

В основном писались со страху.

Никогда не знал, кто выложил в сеть схему Переходника. Но, когда пришел вечер – мрачный жнец, – дети начали собирать Переходники. В одном лишь Мэдисоне, в окрестностях Приюта, их было десятки. Магазины радиоэлектроники торговали как никогда. Схема казалась смехотворно простой. Картошка, которую требовалось поместить в середину прибора, тоже вызывала смех, но без нее ничего не работало, поскольку она служила генератором. А еще был выключатель. Жизненно необходимый. Некоторые дети решили, что выключатель не нужен. Достаточно лишь скрутить проводки. Именно они первыми издали вопль ужаса.

Джошуа собрал Переходник очень тщательно. Он всегда и все делал основательно. Он был из тех ребят, которые непременно красят детали перед сборкой, а потом собирают в правильном порядке, осторожно выложив их перед собой, прежде чем приступить. Джошуа всегда «приступал». «Приступать» звучало солиднее, чем «начинать». В Приюте, возясь со старой, потертой и неполной головоломкой, он сначала раскладывал фрагменты, отделяя небо, море и края, и лишь потом соединял два кусочка. Иногда, если фрагмента не доставало, он отправлялся в свою маленькую мастерскую и осторожно вырезал недостающий кусочек из припасенной заранее деревяшки, после чего красил его в нужный цвет. Сторонний наблюдатель ни за что не догадался бы, что в головоломке когда-то были дыры. Иногда Джошуа даже готовил еду – под наблюдением сестры Серендипити. Он приносил необходимые ингредиенты, педантично раскладывал их по порядку и пункт за пунктом двигался по рецепту. Закончив, он не забывал прибраться. Джошуа нравилось готовить и выслушивать похвалы, которые воздавали ему в Приюте.

Таков был Джошуа, так он жил. И именно поэтому он не первым совершил переход на Долгую Землю: он не только покрыл лаком коробочку с Переходником, но и дождался, когда лак высохнет. И поэтому он, несомненно, оказался первым ребенком, который сумел вернуться, не намочив штаны. Или еще хуже.

День перехода. Повсюду исчезали дети. Родители обыскивали улицы. Только что ребенок был здесь и играл с новой странной игрушкой, а в следующую секунду пропал. Когда одни перепуганные родители встречаются других перепуганных родителей, испуг превращается в ужас. Вызвали полицию, но что толку? Кого арестовывать? Где искать?

И тогда Джошуа впервые перешел.

Секунду назад он сидел в своей мастерской в Приюте. И вдруг оказался в лесу, густом, непроницаемом, где лунный свет едва пробивался сквозь листву. Джошуа слышал голоса других детей – их рвало, они звали родителей, некоторые кричали, как будто от боли. Он задумался, зачем так шуметь. Его, например, не рвало. Было жутковато, да. Но не холодно. Он слышал жужжание moskitov. Джошуа задавался единственным вопросом: куда он попал?

Крики отвлекали Джошуа. Одна девочка где-то совсем рядом звала маму. По голосу она походила на Сару, обитательницу Приюта. Джошуа ее окликнул.

Сара перестала плакать, и он услышал невдалеке слабый зов:

– Джошуа?

Он задумался. Был поздний вечер. Значит, Сара находилась в спальне для девочек, примерно в двадцати метрах от мастерской. Джошуа не двигался, но каким-то образом перенесся в другое место. Не в Мэдисон. В Мэдисоне были машины, самолеты, огни, а Джошуа стоял в лесу, совсем как в книжке, и не видел ни одного фонаря, куда бы ни глядел. Но Сара тоже была здесь, как бы ни называлось это «здесь». Мысли стали складываться в голове, как головоломка

с недостающими кусочками. Думай, не паникуй. Относительно тебя Сара находится там же, где и находилась. Тебе просто нужно пройти по коридору в ее комнату. Пусть даже здесь и сейчас нет ни коридора, ни комнаты. Проблема решена.

Правда, чтобы добраться до Сары, здесь и сейчас нужно было пройти сквозь дерево, которое росло прямо перед Джошуа. Очень большое дерево.

Он пошел вокруг ствола, пробираясь сквозь перепутанный подлесок девственного леса, шиповник и сломанные сучья.

– Не замолкай, – сказал Джошуа. – И не двигайся с места. Я иду.

– Джошуа?

– Послушай, что надо сделать. Пой. Пой не замолкая. Тогда я найду тебя в темноте.

Джошуа включил фонарик, крошечный, который влезал в карман. Он всегда брал с собой ночью фонарик. Ну, разумеется. Джошуа просто не мог иначе.

Сара не стала петь. Она начала молиться.

– Отче наш, иже еси на небесех...

И почему люди хотя бы иногда не делают того, что им велят?

Из темноты по всему лесу зазвучали другие голоса:

– Да святится имя твое...

Джошуа захлопал в ладоши и закричал:

– Эй, вы, замолчите! Я выведу вас отсюда! Честное слово!

Он сам не знал, с какой стати дети должны ему верить, но властный тон сработал, и голоса замолкли. Он отдышался и позвал:

– Сара! Ты первая. Слышишь? Остальные, идите на голос. Только молчите. Двигайтесь на звук молитвы.

Сара начала сначала:

– Отче наш, иже еси...

Пока Джошуа пробирался вперед, вытянув руки, отодвигая ветви шиповника, перелезая через корни и нащупывая каждый шаг, он слышал, как вокруг двигались другие. Дети звали на помощь. Кто-то жаловался, что заблудился. Другие сетовали, что не работает мобильник. Иногда он видел, как мерцали экраны телефонов, похожие на светлячков. Слышались безутешные рыдания, иногда даже болезненные стоны.

Молитва завершилась «аминем», который эхом разлетелся по лесу, и Сара сказала:

– Джошуа! Я закончила.

«Я считал ее умнее», – подумал Джошуа.

– Значит, начинай сначала.

Он добрался до девочки через несколько минут, пусть даже она находилась не дальше чем в половине длины Приюта. Джошуа видел, что этот кусок леса на самом деле довольно невелик. На опушке, в лунном свете, виднелось нечто похожее на степные цветы, как в питомнике. И никаких следов Приюта или Союзного проезда.

Наконец Сара, спотыкаясь, шагнула к нему и крепко прижалась.

– Где мы?

– Где-то. Ну... как в Нарнии.

При лунном свете было видно, что по лицу у нее текут слезы, а из носа сопли. От ночной рубашки Сары пахло рвотой.

– Но я не лазила в шкаф!

Джошуа расхохотался. Девочка уставилась на него – и тоже рассмеялась, потому что он смеялся. Смех начал заполнять полянку, потому что на свет фонарика подходили и остальные дети, и на мгновение ужас отступил. Одно дело – потеряться и оказаться в одиночестве, и совсем другое – потеряться вместе с целой толпой, которая стоит и хохочет.

Кто-то схватил Джошуа за руку.

- Джош?
- Фредди?
- Жуть какая. Я оказался в темноте и грохнулся на землю.

У Фредди был гастроэнтерит, как вспомнил Джош. Парнишка лежал в лазарете на втором этаже Приюта. Разумеется, он свалился, когда здание исчезло.

- Ты ушибся?
- Нет. Джош, а как нам вернуться домой?

Джошуа взял Сару за руку.

- Сара, ты собрала Переходник?

- Да.

Он взглянул на мешанину деталей в руке девочки. Никакого ящичка, хотя бы коробки из-под туфель. Не говоря уже о специально сделанном футляре, как у Джошуа.

- Где выключатель?
- Какой выключатель? Я просто скрутила проводочки.
- Слушай, там же ясно было сказано – установить выключатель...

Он осторожно взял Переходник. С Сарой нужно было вести себя аккуратно. Сама по себе она не представляла проблему. Проблемы просто возникали вокруг нее.

По крайней мере, в Переходнике были три проводка. Джошуа на ощупь восстановил схему. Он провел столько часов, разглядывая чертеж, что знал его наизусть. Разъединив провода, он вложил злополучный Переходник в ладонь Сары.

– Слушай меня. Когда я скамандую, нажми вот здесь. Если окажешься в своей комнате, бросай эту штуку на пол и ложись спать. Поняла?

Шмыгая носом, Сара спросила:

- А если не получится?

– Ну, ты останешься тут, и я тоже. Бывает хуже, правда? Ты готова? Пошел обратный отсчет. Девять, восемь...

Когда он сказал «ноль», девочка исчезла с легким хлопком, словно лопнул мыльный пузырь.

Другие дети уставились на то место, где она стояла, потом на Джошуа. Среди них были незнакомые, насколько он мог разглядеть. Многих Джошуа не узнавал. Он понятия не имел, как далеко они забрели в темноте.

Но сейчас он правил бал. Эти беспомощные дети выполнили бы любой приказ. Но власть не порадовала Джошуа, а напомнила о неприятных обязанностях.

Он повернулся к Фредди:

– Так, ты следующий. Ты знаешь Сару. Скажи ей, чтоб не волновалась. Предупреди, что сейчас через ее спальню пройдет много детей. Передай: Джошуа сказал, что это единственный способ отправить их домой. Пусть она не сердится. А теперь покажи мне свой Переходник.

Один за другим, с тихими хлопками, потерявшиеся мальчики и девочки исчезали.

Когда последние из тех, кто стоял на поляне, исчезли, в лесу еще слышались голоса, а может быть, и не только в лесу. Но Джошуа ничем не мог им помочь. Он даже не был уверен, что поступил правильно. Он стоял один, в безмолвии, и слушал. Не считая далеких голосов и тоненького писка moskitov, в лесу царила тишина. Говорят, что москиты способны убить лошадь, если им не мешать.

Джошуа достал аккуратно собранный Переходник и потянул за рычажок.

Он немедленно оказался в Приюте, возле Сариной кровати, в крошечной тесной комнате, как раз вовремя, чтобы увидеть спину последней девочки, которую он отправил домой. Она с рыданиями исчезла в коридоре. И тут же Джошуа услышал пронзительные голоса сестер, которые звали его.

Он поспешно щелкнул выключателем и вновь перенесся в молчаливый лес. В *свой* лес.

Голосов стало больше, и они звучали ближе. Кто-то рыдал. Кричал. Какой-то мальчик очень вежливо попросил:

– Извините, не могли бы вы мне помочь?

Кого-то рвало.

Появлялись и новопривывшие. Джошуа подумал: почему их тошнит? Впоследствии этот запах ассоциировался у него с Днем перехода. Всех рвало. Кроме Джошуа.

Он зашагал в темноту, ища кричавшего.

Но за последним непременно оказывался еще один. И еще один, который сломал руку, видимо, свалившись с верхнего этажа. И еще один.

И этому не было конца.

С первыми проблесками зари рощу наполнили свет и птичий щебет. Интересно, дома тоже рассвело?

Теперь никаких звуков человеческого присутствия не было, не считая рыданий последнего заблудившегося мальчика, который пропорол ногу об острый сук. Он не мог воспользоваться собственным Переходником – и очень жаль, потому что при тусклом утреннем свете Джошуа восхитился его работой. Парнишка явно провел некоторое время в радиомагазине. Весьма разумный мальчик. Увы, недостаточно разумный, чтобы прихватить с собой фонарик или спрей от moskitov.

Джошуа осторожно нагнулся, поднял раненого на руки и выпрямился. Мальчик застонал. Одной рукой Джошуа нащупал выключатель на своем Переходнике, в очередной раз порадовавшись тому, что он четко следовал инструкциям.

Когда они перешли, в лицо Джошуа засиял свет и через несколько секунд рядом с ним со скрежетом остановилась патрульная машина. Он замер.

Из машины вылезли двое копов. Один, помоложе, в светоотражающем жилете, осторожно забрал у Джошуа пострадавшего мальчика и положил на траву. Другой полицейский остановился рядом. Женщина в форме. Она улыбалась и протягивала ему руки. Джошуа завоновался. Именно так улыбались сестры, когда обнаруживали проблему. А приветственно вытянутые руки очень быстро становятся руками, которые хватают. За спинами полицейских сиял свет, как на сценической площадке.

– Привет, Джошуа, – сказала женщина-полицейский. – Меня зовут Моника Янсон.

Глава 4

Для сотрудницы мэдисонского полицейского департамента Моники Янсон все началось днем раньше. В третий раз за последние несколько месяцев она отправилась в сгоревший дом Линдси, на Мифлин-стрит.

Она сама не знала, зачем вернулась. Ее никто не вызывал. Но она снова рылась в грудах пепла и угля, которые некогда были мебелью. Склонялась над разбитыми останками древнего плоского телевизора. Осторожно шагала по обугленному, промокшему, залитому пеной ковру, испещренному следами пожарных и копов. Листала обгорелые остатки некогда обширных заметок, покрытых записанными от руки математическими уравнениями и неразборчивыми каракулями.

Янсон подумала о своем напарнике Кланси, который пил пятую за день порцию кофе, сидя в машине, и считал Монику идиоткой. Что тут еще можно найти, после того как дом исползали детективы, а судебные эксперты исследовали улики? Даже дочь Линдси, чудачка Салли, студентка колледжа, восприняла случившееся без удивления и без страха. Она спокойно кивнула, когда узнала, что ее отца разыскивают, чтобы допросить по поводу предполагаемого поджога, подстрекательства к терроризму и жестокого обращения с животными. Необязательно именно в таком порядке. Она просто кивнула, как будто в доме Линдси такие вещи происходили каждый божий день.

Всем остальным было наплевать. Скоро этот дом перестанет быть местом преступления, и тогда хозяин начнет уборку и тяжбу со страховой компанией. Казалось бы, никто не пострадал. Даже сам Уиллис Линдси; никакие признаки не указывали на то, что он погиб в огне (довольно слабом). Сплошная загадка, которую, видимо, предстояло оставить нерешенной. Опытные копы то и дело сталкиваются с подобными делами, сказал Кланси, и нужно знать, когда поставить точку. Может быть, двадцатидевятилетней Янсон еще не доставало опыта.

А может быть, проблема в том, *что* она увидела, когда они приехали на первый вызов несколько месяцев назад. Тогда в полицию позвонила соседка, которая сообщила, что видела человека, который тащил козу в одноэтажный дом в самом центре Мэдисона.

Козу? Кланси и диспетчер принялись предсказуемо зубоскалить. Наверное, у этого мужика только на коз встает, ну и так далее, ха-ха. Но соседка, женщина весьма нервная, объявила, что тот же самый человек затаскивал в дом телят, а однажды даже козленка. Не говоря уже о клетке с курами. В доме никакого шума не было, и скотным двором не пахло. Животные словно испарялись. Что же с ними делал этот тип, трахал или жарил?

Уиллис Линдси, как выяснилось, жил один, с тех пор как его жена погибла в аварии несколько лет назад. Единственная дочь, Салли, восемнадцати лет, студентка университета Висконсин-Мэдисон, жила у тетки. Линдси был ученым и некогда даже занимал должность физика-теоретика в Принстоне. Теперь он работал внештатным преподавателем в Вашингтонском университете, а в остальное время... признаться, никто не знал, чем он занимался в остальное время. Хотя Янсон нашла некоторые свидетельства того, что Линдси сотрудничал с промышленником Дугласом Блэком. Под другим именем. Неудивительно. В наши дни все рано или поздно попадают к Блэку.

Но чем бы ни занимался Линдси, он не держал коз в гостинной. Может быть, кто-то задумал его подставить. Например, любопытный сосед решил устроить неприятности очкастому чудику. Бывает.

Но следующий звонок был совсем другим.

Кто-то выложил в Сети схему прибора под названием «Переходник». Дизайн при желании варьировался, но в любом случае получалась портативная штучка с большим переключением.

чателем на три позиции, разными электронными компонентами внутри и проводом питания, воткнутым... в картофелину.

Власти это заметили и встревожились. Именно так обычно выглядят приспособления, которые цепляют на грудь террористы-смертники, прежде чем прогуляться по Стейт-стрит. А еще получалась игрушка, которая непременно должна была понравиться любому ребенку, способному собрать ее из запчастей в спальне. Никто не сомневался, что слово «картошка» служит условным обозначением для чего-то похлеще. Например, куска гексогена.

Но когда к Линдси уже направили патрульную машину, в дополнение к сотрудникам Службы национальной безопасности, поступил третий звонок, причем совершенно независимый: дом горит. Янсон приехала на вызов. И Уиллиса Линдси нигде не нашли.

Детективы определили поджог. Они нашли промасленную тряпку, дешевую зажигалку, грудку газет и сломанной мебели, с которой и начался пожар. Целью, видимо, было уничтожить кучу записок и прочих материалов. Не исключено, что преступление совершил сам Линдси – или кто-то, желавший до него добраться.

У Янсон возникло ощущение, что виновник Линдси. Она никогда с ним не встречалась лично и не видела фотографии. Но даже косвенный контакт произвел на нее несомненное впечатление. Он был возмутительно умен. Иначе и невозможно оказаться на физическом факультете Принстона. Но какого-то фрагмента не доставало. В доме Линдси царил феерический хаос. Даже нелепый поджог вписывался в общую картину.

Янсон решительно не понимала – зачем? Что он задумал?

И вот она нашла собственный Переходник Линдси. Вероятно, прототип. Он лежал на полке в гостиной, над камином, который не зажигали десятилетиями. Может быть, Линдси нарочно оставил прибор, чтобы его нашли. Детективы увидели Переходник, но оставили на месте, густо посыпав порошком для снятия отпечатков. Возможно, прибор собирались забрать после окончания следствия.

Янсон наклонилась, чтобы рассмотреть повнимательнее. Переходник представлял собой прозрачную пластмассовую коробку. Куб со стороны примерно четыре дюйма. Эксперты пришли к выводу, что в этой коробочке некогда, возможно, хранились старинные дискеты на три с половиной дюйма. Линдси явно был из тех, кто копит всякое барахло. Сквозь прозрачные стенки виднелось электронное содержимое: конденсаторы, резисторы, реле, катушки, соединенные изогнутой и припаянной медной проволокой. На крышке торчал большой трехсторонний переключатель, и под ним от руки черным маркером было подписано: «ЗАПАД – ВЫКЛ. – ВОСТОК».

Сейчас выключатель находился в положении «ВЫКЛ.».

Остальное свободное пространство в коробке занимала... картофелина. Обычная картошка, никакой пластиковой взрывчатки, флакона с кислотой, гвоздей и прочих прибабасов, входящих в арсенал современного террориста. Один из экспертов предположил, что картошку использовали в качестве источника энергии – точно так же, как заряжают батарейку от лимона. Большинство решили, что это признак сумасшествия или же странная шутка. Так или иначе, дети по всему миру сейчас лихорадочно штудировали схему.

Под Переходником лежал клочок бумаги, на котором тем же маркером и тем же почерком было нацарапано «Включи меня». Сплошная «Алиса в Стране чудес». Прощальный поклон Линдси. Янсон подумала: никто из ее коллег не рискнул последовать инструкции на клочке бумаги. «Включи меня».

Она взяла коробочку – та почти ничего не весила – и откинула крышку. Еще одна бумажка, с надписью «Закончи меня», содержала незамысловатую инструкцию – упрощенную копию электросхемы, выложенной в Интернет. Янсон прочла: «Запрещается использовать железные детали» (Линдси подчеркнул эту фразу). Оставалось лишь сделать две катушки из медной проволоки и замкнуть контакты, чтобы подать напряжение.

Янсон взялась за работу. Наматывать катушки оказалось на удивление приятным занятием, хоть она и не сумела бы объяснить почему. Только она и разные инструменты. Точь-в-точь ребенок, собирающий детекторный приемник. Разобраться с катушками оказалось несложно, Янсон буквально почувствовала, как скользкий контакт встал на место, хотя опять-таки ничего не смогла бы объяснить и без всякого удовольствия предвкушала написание рапорта.

Закончив, Янсон закрыла крышку, взялась за выключатель, мысленно бросила монетку и сдвинула рычажок на запад.

Дом исчез. Повеяло свежим воздухом.

Вокруг росли полевые цветы. Высотой по пояс, как в заповеднике.

Янсон как будто ударили под дых. Она со стоном согнулась пополам и выронила прибор. Под начищенными ботинками была трава. В носу засвербело от свежего, резкого воздуха, вонь пепла и пены исчезла.

Может быть, на нее напали? Янсон схватила за пистолет. Он по-прежнему лежал в кобуре, но ощущение было странное: пластиковый корпус и магазин на вид не изменились, но внутри что-то дребезжало.

Она осторожно выпрямилась. Живот по-прежнему болел, но не от удара, а от тошноты. Янсон огляделась – и не заметила ни души.

Исчезли четыре стены вокруг. Исчез дом на Мифлин-стрит. Только полевые цветы, купа деревьев высотой футов в сто и синее небо без смога и следов от самолетов. Все это походило на питомник – громадную реконструкцию прерии, устроенную в черте Мэдисона, на питомник, поглотивший целый город. И Янсон внезапно оказалась в самом его центре.

– Ой, – сказала она.

Реакция явно не соответствовала ситуации, и Янсон добавила:

– Ого.

И закончила, придя к отрицанию собственного многолетнего агностицизма с уклоном в откровенный атеизм:

– Господи.

Она спрятала пистолет и попыталась рассуждать как полицейский. Смотреть как полицейский. Под ногами на земле, рядом с Переходником, который она выронила, валялся мусор. Окурки. И коровья лепешка. Неужели именно здесь скрылся Уиллис Линдси? Но даже если так, она нигде не видела ни его, ни животных...

Даже воздух был другим. Густым. Головокружительным. Янсон словно опьянела. Потрясающе. Невероятно. Куда она попала? Она громко расхохоталась – исключительно от изумления.

А потом поняла, что каждый ребенок в Мэдисоне скоро обзаведется такой коробочкой. Более того, каждый ребенок в мире. И они начнут щелкать выключателями. Повсюду.

И тогда до Янсон дошло, что вернуться домой – это очень хорошая идея.

Она поспешно подняла валявшийся на земле Переходник, по-прежнему посыпанный порошком для снятия отпечатков. Рычажок сам собой занял положение «ВЫКЛ.». С некоторым трепетом Янсон ухватила за выключатель, закрыла глаза, досчитала до трех и потянула на восток.

И вновь оказалась в доме Линдси, на сгоревшем ковре. У ног валялись металлические детали пистолета. А еще значок, бейджик и даже булавка для галстука и другие мелочи, исчезновения которых она даже не заметила.

Кланси ждал в машине. Янсон задумалась, как бы ему объяснить.

Когда она вернулась в участок, дежурный Додд уже принимал звонки о пропавших людях. Один-два на квартал. Панель постепенно покрывалась огоньками.

А потом по всей стране забили тревогу.

– И по всему миру, – удивленно сказал Додд, когда включил Си-эн-эн. – Эпидемия исчезновений. Даже в Китае. Ты только посмотри.

Вечер выдался нелегкий. Резко возросло количество краж со взломом, причем один раз вор даже проник в хранилище Капитолия. Полицейский департамент Мэдисона едва успевал отправлять людей на вызовы. А потом из отдела Национальной безопасности и ФБР начали поступать директивы.

Янсон поймала за шкирку дежурного сержанта.

– Что случилось?

Гаррис, с посеревшим лицом, повернулся к ней.

– Ты меня спрашиваешь? Не знаю! Может быть, террористы. Нацбезы просто взбесились. А может быть, НЛО! К нам уже пришел какой-то тип в шляпе из фольги, который уверяет, что началась атака пришельцев!

– Что мне делать, сержант?

– То, что само лезет в руки, – и Гаррис заспешил дальше.

Янсон задумалась. Будь она обычным человеком, что встревожило бы ее больше всего? Пропавшие дети, разумеется. Поэтому она вышла из участка и взялась за дело.

Она нашла детей и поговорила с ними, некоторых навестила в больнице. Они твердили о необычном мальчике, невозмутимом герое, который вывел их из леса и спас, совсем как Моисей. Только звали его не Моисей, а Джошуа.

Джошуа попятился от полицейского.

– Ты ведь Джошуа? Ну конечно. Ты единственный, кто не запачкан рвотой.

Он промолчал.

– Дети говорят, что Джошуа их спас. Собрал и вернул домой. Ты настоящий ловец над пропастью во ржи. Читал такую книгу? Обязательно прочитай. Хотя, может быть, в Приюте она запрещена. Да, я знаю про Приют. Как ты это сделал, Джошуа?

– Я ничего плохого не хотел. Я не виноват, – ответил он, пятась.

– Знаю, что не виноват. Но ты что-то сделал не так, как остальные. И я хочу знать, что именно. Расскажи, Джошуа.

Джошуа терпеть не мог, когда его имя повторяли по несколько раз. Именно так тебя пытаются успокоить, когда считают виноватым.

– Я следовал инструкциям. И все. Люди не понимают, что надо следовать инструкциям.

– Я *хочу* понять, – сказала Янсон. – Расскажи мне. Не надо бояться.

– Слушайте, если сделать простую деревянную коробку, ее надо покрыть лаком, иначе она отсыреет, вздуется, и детали разойдутся. Если что-то делаешь, так делай правильно. Надо следовать инструкциям. Именно для этого их и пишут.

Джошуа понял, что говорит слишком много и быстро. Поэтому он замолчал. Молчать всегда лучше. И потом, что он мог сказать?

Мальчик озадачил Монику Янсон. Разумеется, в темноте дети перепугались, они кричали, падали, мочились от страха, блевали, их кусали москиты, они врезались в деревья. Но только не Джошуа. Он оставался спокоен. Янсон посмотрела на мальчика. Стройный и высокий для своих лет, жгучий брюнет с бледной кожей. Безмолвная загадка.

Вслух она сказала:

– Знаешь, Джошуа, выслушав все эти истории, я бы подумала, что некоторые из пострадавших ребят баловались наркотиками. Но они облеплены листьями и покрыты ссадинами. Как будто действительно забрели в лес прямо посреди города.

Она сделала еще один маленький шаг, и Джошуа вновь попятился.

Янсон остановилась и опустила руки.

– Джошуа, я знаю, что ты говоришь правду. Потому что я сама там побывала. Хватит уверток. Давай поговорим. Коробочка, которую ты держишь, выглядит очень аккуратно по

сравнению с другими. Можно взглянуть? Положи ее на землю и отойди. Я не пытаюсь тебя обмануть. Я просто хочу понять, почему десятки детей вдруг оказались в каком-то загадочном лесу и испугались, что сейчас их съедят орки.

Как ни странно, на Джошуа это подействовало. Он положил коробку и отступил на шаг.

– Только верните. У меня нет денег, чтобы снова идти в радиомагазин.

Он помедлил.

– Вы правда думаете, что там были орки?

– Нет, не думаю. Но я даже не знаю, что и думать. Слушай, Джошуа, ты показал мне коробку, а я кладу на землю визитку. Возьми, там мой телефон. По-моему, нам с тобой не стоит терять связь.

Моника немного отступила с коробкой в руках.

– Какая отличная работа...

Тут, сияя фарами, подъехала еще одна патрульная машина. Офицер Янсон оглянулась.

– Полиция просто проверяет, как дела, – объяснила она мальчику. – Не беспокойся.

Послышался легкий хлопок.

Она взглянула на Переходник. И на пустой тротуар.

– Джошуа?

Джошуа немедленно понял, что забыл коробку.

Он перешел просто так! А главное, женщина-полицейский видела, как он это сделал. Теперь у него точно будут неприятности.

Поэтому он ушел. Он двигался вперед, удаляясь от того места, где был. Неважно куда. Он не останавливался, не сбавлял темпа. Джошуа делал переход за переходом и каждый раз чувствовал нечто вроде легкого толчка во внутренностях. Мир за миром, словно он шел по анфиладе комнат. Шаг за шагом, прочь от офицера Янсон. Все глубже в лесной коридор.

Не было города, домов, огней, людей. Только лес – но лес, который менялся с каждым переходом. Деревья появлялись из ниоткуда и исчезали при следующем шаге, совсем как декорации в пьесах, которые они ставили в Приюте, но только здесь деревья были настоящими, твердыми, незыблемыми, с глубоко уходящими в землю корнями. Иногда становилось теплее, иногда чуть холоднее. Но лес в целом никуда не девался. И рассвет. Плотная земля под ногами и розовеющее небо оставались прежними. Джошуа нравилось подмечать некоторый порядок в этом новом мире.

Инструкции в Интернете ничего не говорили о том, что можно перейти и без прибора, но все-таки у него получилось. У Джошуа слегка кружилась голова, словно он стоял над пропастью. Но мальчик радовался – радовался, нарушая запрет. Как в тот раз, когда они с Билли Чамберсом стянули пиво у рабочих, которые пришли стеклить окно, и выпили в котельной, а потом разбили бутылку и бросили осколки в мусорное ведро. Джошуа улыбнулся, вспомнив об этом.

Он продолжал идти дальше, огибая стволы, когда приходилось. Но лес постепенно менялся. Теперь его окружали деревья с грубой корой и низкими ветвями, покрытыми узкими колючими листьями. Появились сосны. Стало холоднее. Но лес оставался лесом, и Джошуа двигался дальше.

И, наконец, достиг Стены – места, где переход не получался, как бы он ни пытался обогнуть Стену. Он даже отступил на несколько шагов назад и бросился на нее, надеясь проломить силой. Больно не было, он как будто влетел с разбегу в огромную ладонь. Но так и не продвинулся вперед.

Если он не мог пробиться, то, возможно, мог перелезть. Джошуа нашел самое высокое поблизости дерево, подтянулся до нижних ветвей и полез выше. Сосновые иголки кололи руки. Каждые шесть футов Джошуа пытался перейти, просто пробы ради, но Стена не пускала.

А потом вдруг получилось.

Он упал на плоскую поверхность, похожую на корявый, кое-как выровненный бетон, твердую, сухую, серую. Ни деревьев, ни леса. Только воздух, небо и нечто под ногами. Было холодно. Холод пробирался сквозь ткань джинсов на коленях, обжигал голые руки. Лед!

Джошуа встал. Дыхание паром повисало в воздухе. Кинжалы холода пронзали одежду, добираясь до тела. Мир был покрыт льдом. Джошуа стоял в широком овраге, пробитом во льду, который вздымался по обе стороны серыми глыбами. Старый грязный лед. И ясное небо, синесерого рассветного оттенка. Ничто здесь не двигалось. Он не видел ни птиц, ни самолетов, ни домов, ни одного живого существа. Даже ни единой травинки.

Джошуа улыбнулся.

А потом исчез с легким хлопком, вернувшись в сосновый лес.

Глава 5

Лобсанг сказал:

– Янсон за вами наблюдала. Вы это знали, Джошуа?

Джошуа рывком вернулся в настоящее.

– Знаете, а вы неглупы для автомата с напитками.

– Вы удивитесь. Селена, пожалуйста, отведи Джошуа вниз.

Женщина как будто испугалась.

– Но Лобсанг, Джошуа еще не прошел проверку на безопасность.

В автомате что-то лязгнуло, и в отверстии показалась банка газировки.

– А что может произойти в самом худшем случае? Я бы хотел, чтобы наш новый друг познакомился со мной в более приятной обстановке. Кстати, Джошуа, это вам. За мой счет.

Джошуа встал.

– Нет, спасибо. Я с детства не пью газировку.

«А если бы пил, то потерял бы к ней всякий вкус, увидев, как ты ее выплюнул».

Пока они шагали вниз, Селена сказала:

– Кстати, приятно видеть, что вы бреетесь. Я серьезно. В наши дни в моду входит щетина. Люди такие странные... – Она улыбнулась. – Кажется, мы ожидали встретить настоящего горца.

– Наверное, я так привык.

Эта невозмутимая отповедь явно разочаровала Селену; она, казалось, ожидала большего.

Они дошли до площадки, на которую выходили никак не обозначенные металлические двери. Одна открылась при приближении Селены и бесшумно закрылась за спиной у Джошуа. Он увидел лестницу, ведущую вниз.

– Должна признать, что очень хотела бы столкнуть вас отсюда, – сказала Селена с горькой иронией. – Знаете почему? Вы не успели появиться, как сразу же получили нулевой рейтинг безопасности. Нулевой, понимаете? То есть теоретически вам можно рассказывать обо всем, что здесь происходит. Мой рейтинг, например, пять. Вы превзошли меня, хотя я работаю в Трансземном институте с самого начала. Кто вы такой, если входите в любую дверь и узнаете любой секрет?

– Ну, извините. Я Джошуа. И вообще, что значит «с самого начала»? Я и есть начало. Потому-то я и здесь, ведь так?

– Да. Конечно. Но, наверное, для каждого человека начало – его собственный первый переход...

Глава 6

Джим Руссо впервые перешел в то место, которое возбужденные сетевые болтуны вскоре назвали Новым светом для честолюбивых. Будучи тридцати восемью лет от роду, после череды неприятных расставаний и измен, он придумал, как вырваться вперед.

Вскоре после Дня перехода он составил план и сообразил, как надо поступить. Он отправился в нужный уголок Калифорнии. Привез с собой карты, фотографии и все остальное, чтобы не промахнуться мимо того самого места, где много лет назад Маршалл нашел золото. Джим хорошо знал, что в последовательных мирах навигаторы не работают, а значит, карты должны быть бумажными. Но, разумеется, он не нуждался ни в какой карте, чтобы найти лесопилку Саттера – здесь, на берегу Американ-Ривер, только в последовательной версии. Джим Руссо приехал в Государственный исторический парк. Лесопилка Саттера была государственной достопримечательностью. На ее месте построили точную копию. Руссо тут же понял, где именно Джеймс Маршалл увидел золотые чешуйки, поблескивающие в отводящем канале. Ничего не стоило встать прямо на нужном месте. Джим Руссо так и сделал, и в голове у него заработали шестеренки.

Он перешел на Запад-1, и реконструкция исчезла. Лес был таким же диким, каким он предстал перед Маршаллом и Саттером, когда они пришли сюда, чтобы построить лесопилку. Более того, до Дня перехода здесь даже индейцев не было. Разумеется, сейчас народу хватало – приходили туристы с Базовой Земли, которые осматривали новые территории. Даже стояли несколько указателей. «Саттер-Запад-1» и «Восток-1» уже давно превратились в местную достопримечательность, придаток своих базовых версий. Джим улыбнулся, глядя на глупых пучеглазых туристов, которым явно не доставало воображения.

Через десять-пятнадцать минут, как только тошнота отступила, он шагнул дальше. И еще. И еще.

Джим остановился на «Западе-5» – по его представлениям, он забрался достаточно далеко. Ни души вокруг. Он громко засмеялся и завопил. Никто не отозвался. Только эхо. Где-то свистнула птица. Он был один.

Джим не стал ждать, когда пройдет тошнота. Он сел на корточки у ручья и вытащил из мешка решето, глубоко дыша, чтобы унять круговерть в животе. Именно здесь 24 января 1848 года Джеймс Маршалл заметил в воде странные образования – и в тот же день уже мыл золото на ручье. Так началась калифорнийская золотая лихорадка. Джим мечтал о том, как найдет ту самую золотую чешуйку, которую нашел Маршалл и которая теперь хранилась в Смитсоновском институте. Вот это будет номер. Но на «Западе-5», разумеется, не было лесопилки и никакого нижнего канала. Река текла беспрепятственно, как в эпоху Маршалла на Базовой Земле, и вряд ли Джиму удалось бы найти идентичную чешуйку. Но все-таки он намеревался разбогатеть.

Таков был великий план Джима Руссо. Он прекрасно знал, где нашли золото, которое впоследствии обнаружили и извлекли старатели, которые последовали за Маршаллом. Джим привез карты золотоносных жил, которые еще лежали нетронутыми прямо под ногами! Потому что в этом мире не было ни Саттера, ни Маршалла, ни лесопилки, ни золотой лихорадки. Все богатство – или его точная копия – спало в земле. Оно ждало, чтобы Джим протянул руку...

И тут за спиной раздался смех.

Он резко обернулся, попытался встать, споткнулся и плюхнулся в ручей, промочив ноги.

Позади стоял какой-то человек в грубой джинсовой одежде и широкополой шляпе, с тяжелым оранжевым рюкзаком и чем-то вроде кирки. Он смеялся над Джимом, сверкая белыми зубами на грязном лице. Рядом материализовались и другие – мужчины и женщины, одетые точно так же, грязные и усталые. Несмотря на тошноту, они ухмылялись, увидев Джима.

– Что, еще один? – спросила женщина.

Под слоем грязи она выглядела ничего себе. Привлекательная женщина над ним смеялась. Джим, покраснев, отвернулся.

– Похоже на то, – ответил первый прибывший. – В чем дело, старина? Надеешься сколотить состояние на золотишке Саттера?

– А тебе-то что?

Мужчина покачал головой.

– Да что с вами такое? Вы, кажется, думаете только на один шаг вперед. Но не на два, – он говорил как самодовольный студент и ухмылялся. – Вы догадались, что здесь, на этом месте, лежит золото. Разумеется. Но то же самое – на Западе-6, 7, 8 и так далее, куда только можно добраться. А остальные люди вроде тебя, которые промывают песок во всех последовательных мирах? О них ты не подумал, правда? – Он вытащил из кармана золотой самородок размером с голубиное яйцо. – Друг мой, эта идея пришла в голову не одному тебе.

Женщина перебила:

– Ну, не будь таким суровым, Мак. Он успеет заработать, если поторопится. Золото еще не совсем обесценилось, его пока нашли не так много. Он всегда может продать самородок-другой как нечто полезное. Ну... просто оно больше не стоит на вес золота.

Снова смех.

Мак кивнул.

– Еще один пример удивительно низкой экономической ценности всех последовательных миров. Настоящий парадокс.

Это студенческое самодовольство взбесило Джима.

– Если оно ничего не стоит, умник, зачем вы сюда приперлись?

– Ну, мы тоже ищем золото, – ответил Мак. – Мы следуем примеру Маршалла и остальных, как и ты. Но мы пошли дальше. Построили копию лесопилки и кузню, чтобы делать железные инструменты. Теперь мы можем добывать золото тем же способом, что и пионеры. Это история, реконструкция. В следующем году нас покажут на «Дискавери», следи за программой. Но мы здесь не ради золота как такового. На, держи.

И он бросил золотой самородок под ноги Джиму. Тот приземлился в сырой гравий.

– Гады вы...

Улыбка Мака увяла, как будто манеры Джима его разочаровали.

– Дамы и господа, кажется, наш новый друг недостаточно воспитан. Ах, так...

Джим прыгнул на него, размахивая кулаками. Продолжая смеяться, люди исчезали один за другим. Джиму не удалось нанести ни одного удара.

Глава 7

Для Салли Линдси отбытие с Базовой Земли, год спустя после Дня перехода, было вовсе не первым. Она ушла, потому что ушел ее отец. А до того – большая часть семьи. Салли едва исполнилось девятнадцать.

Она не спешила. Неторопливо собрала вещи и закончила дела. В конце концов, возвращаться она не планировала.

Однажды летним утром Салли надела рыбацкую безрукавку с многочисленными карманами, взяла рюкзак и в последний раз покинула свою комнату в тетином доме. Тетя Тиффани как раз вышла, и Салли порадовалась: она не любила прощаться. Она добралась до Парковой улицы и зашагала через кампус. Никого поблизости не было, даже уборщиков; университет спал. Салли показалось, что утро еще тише обычного. Может быть, перешло гораздо больше людей, чем она думала. Она миновала библиотеку, стоявшую на берегу озера, направилась на запад, к Озерной тропе, и взяла курс на поляну для пикников. На озере Мендота виднелись несколько яхточек, какой-то шальной серфингист в пламенно-оранжевом гидрокостюме и пара лодок университетского гребного клуба (над водой неслись отрывистые сигналы рожков). Горизонт тонул в зелени.

Кому-то стоящий в зеленой дымке университет у озера мог показаться идилличным. Но только не Салли. Она любила природу. Настоящую. Для нее Долгая Земля отнюдь не была последней новинкой, тематическим парком, который внезапно открылся в День перехода. Она там выросла. И теперь, глядя на лодки и на серфингиста, она видела только человеческую суету и идиотов, которые распугивали птиц. Суета начинала проникать и в другие миры, когда идиоты, разинув рты, приходили туда. Даже прозрачная озерная вода казалась Салли разбавленной. По крайней мере, она выбрала удачный день, чтобы проститься с Базовой Землей, с городом у озера, где она не так уж сильно страдала и дышала относительно свежим воздухом. Но туда, куда Салли собиралась, он был еще свежее.

Она нашла тихое место и сошла с тропы в тени деревьев. В последний раз проверила рюкзак. С собой девушка взяла оружие – в том числе легкий арбалет. А Переходник лежал в пластмассовой коробочке, вроде той, что была у отца. Помимо самого прибора, в футляре лежали запчасти, припой, отличные оптические инструменты и распечатки схемы. И, конечно, картошка – посреди выдавших виды деталек. Какая отличная идея. Батарейка, которую можно съесть, если обед станет приоритетом. Это был рюкзак профессионального путешественника. Салли настолько поддалась ностальгии, что наклеила на коробочку университетский логотип.

Но коробочка служила лишь прикрытием. Салли не нуждалась в приборе, чтобы переходить.

Она знала Долгую Землю и как по ней путешествовать. И теперь собиралась найти отца. И еще кое-что не давало Салли покоя с тех пор, как она была маленькой девочкой, игравшей в тени отцовского амбара в последовательном Вайоминге. А именно – зачем все это надо.

Салли всегда отличалась решительностью. Она наугад выбрала направление, улыбнулась и перешла. Озеро и купы деревьев остались. Но тропинка, лодки и идиот на серфе исчезли.

Глава 8

Тогда, в самом начале, люди отправлялись куда глаза глядят, с определенной целью или без таковой. Но никто не забирался дальше Джошуа.

В те первые месяцы он, тринадцатилетний мальчишка, понастроил себе на дальних Землях укрытий. Фортов, как он выражался. И лучшие из них действительно были фортами, как у Робинзона Крузо. У людей вообще неверные представления насчет Робинзона. Они рисуют себе решительного бодрого человека в плаще из козьей шкуры. Но Джошуа нашел в Приюте потрепанную книгу и, разумеется, прочел ее от корки до корки. Робинзон Крузо прожил на необитаемом острове двадцать шесть лет и большую часть времени строил укрепления. Джошуа одобрял эту тактику; у Робинзона уж точно голова работала правильно.

Когда он только начинал путешествовать, порой приходилось туго. В последовательных Мэдисонах, по ту сторону реальности, на восток и на запад в основном тянулась прерия. Джошуа уже знал, как ему повезло, что в первый раз он перешел не зимой – ведь тогда он мог оказаться на сорокаградусном морозе без теплой одежды. И что он не оказался в каком-нибудь болоте, которое на Базовой Земле осушили и превратили в пахотные угодья задолго до его рождения.

В первый раз, когда он в одиночку ушел в неизведанный мир и попытался там заночевать, было нелегко. Из еды он опознал только ежевику, зато попил дождевой воды из чашечек цветов. Джошуа прихватил с собой одеяло, но оно не понадобилось, и он воспользовался им как москитной сеткой. Безопасности ради он спал на дереве. Лишь впоследствии Джошуа узнал, что пумы умеют лазать...

После этого он взял несколько книг в Приюте и в городской библиотеке, чтобы научиться отличать съедобное от несъедобного, а еще поговорил с сестрой Серендипити, которая занималась историей кулинарии. И тогда Джошуа понял, что лишь полный идиот умрет от голода на Долгой Земле. В диких лесах росли ягоды, грибы, желуди, каштаны, рогоз, зеленый камыш с богатым углеводами корнем, лекарственные растения, даже дикая хина. Озера кишели рыбой, и ловушки было несложно сделать. Джошуа даже пару раз пробовал охотиться. Он успешно ловил кроликов, но, конечно, дичь покрупнее – белохвостый олень и лось – оказалась подростку не под силу. Даже за индейками пришлось погоняться. Но к чему утруждаться, если вокруг полно голубей, которые так глупы, что готовы сидеть и ждать, пока ты не подойдешь и не сшибешь их камнем? Животные, даже рыба, не боялись человека. Они были так доверчивы. Джошуа усвоил привычку благодарить добычу, которая пожертвовала для него жизнью, – и впоследствии узнал, что именно так поступали индейские охотники.

Джошуа стал готовиться заранее. Брать с собой спички или френелевские линзы, чтобы разводить огонь; он научился даже добывать огонь трением, но это отнимало слишком много сил, а потому не годилось для каждодневного использования. Москитный репеллент он бесплатно получал в «Чистоте», своеобразном пункте обмена бытовой химии на Бэджер-Род. И хлорку, для очистки воды.

Конечно, Джошуа и сам не хотел становиться пищей – но чьей? В последовательных лесах водились животные, которые вполне могли с ним справиться. Рыси – здоровенные кошки, которые глазели на него и удирали прочь на поиски более легкой добычи. Пумы, размером с немецкую овчарку и с мордой, отражавшей суть кошачьей натуры. Однажды Джошуа видел, как пума свалила оленя, прыгнув ему на спину и перекусив сонную артерию. В отдаленных местах он видел волков и еще более экзотических животных – что-то вроде гигантского бобра, а в другой раз – ленивца, тяжеловесного, глупого, который вызвал у Джошуа смех. Все эти животные, как он полагал, обитали на месте Базового Мэдисона до того, как там появились люди, а теперь по большей части вымерли. Обитатели параллельных миров никогда раньше не видели чело-

века, и даже самые жестокие хищники подозрительно относились к неизвестному. Москиты, в общем, доставляли Джошуа больше неприятностей, чем волки.

В первые дни Джошуа никогда не оставался в последовательных мирах подолгу, максимум – на несколько ночей. Иногда он извращенно мечтал о том, чтобы вдруг утратить способность переходить, – тогда бы он остался там и попробовал выжить. Когда он возвращался, сестра Агнес спрашивала: «Тебе не бывает одиноко или страшно?» Но Джошуа никогда не было совсем уж одиноко. И он не понимал, чего бояться. Джошуа думал: с тем же успехом можно сказать человеку, который сунул палец в воду на тихоокеанском пляже, что он должен бояться океана.

И потом, скоро на Ближних Землях стало не протолкнуться от туристов, которые явились посмотреть, что тут творится. Публика с суровым взглядом и с решительными коленками. Туристы бродили по новым местам или, по крайней мере, путались в подлеске. Они задавали вопросы типа: «А чья это территория? Мы еще в Висконсине? Это Америка?»

Хуже всего были те, кто бежал от гнева Божьего – или нарывался на него. И таких оказалась чертова прорва. Неужели Долгая Земля стала предвестием конца света, гибели старого мира и возникновения нового, предназначенного для избранных? Слишком многие рвались в число избранных – и слишком многие думали, что в этих райских мирах Бог им даст полное обеспечение. И Бог не поскупился, разумеется, – огромное количество пищи бегало вокруг. Но Он обычно помогает тем, кто не плошает. Поэтому Бог, вероятно, надеялся, что избранные прихватят с собой теплую одежду, таблетки для очистки воды, базовые медикаменты и какое-нибудь оружие, например бронзовые ножи, которые в последнее время обрели такую популярность. Еще, может быть, палатку – короче говоря, что избранные не оставят дома здравый смысл. Если у человека не хватало мозгов, москиты были наименьшим злом. Да, наименьшим. Если повезет. С точки зрения Джошуа, библейскую метафору следовало расширить: в данном случае всадников Апокалипсиса было четверо, и их звали Жадность, Неумение следовать правилам, Беспорядок и Многочисленные ссадины. Джошуа до тошноты надоело спасать Спасенных.

Впрочем, ему быстро надоели они все. Какое право эти люди имели шляться по *его* секретным местам?

А главное, они вмешивались в Тишину – так Джошуа выражался. Вытесняли спокойствие. И далекое глубинное ощущение чьего-то присутствия за нагромождением миров – присутствия, которое он сознавал с рождения и распознал, как только удалился от Базовой Земли настолько, чтобы его расслышать. Джошуа начал обижаться на каждого загорелого туриста, каждого шумливого ребенка, на шум, который производили незваные гости.

И все-таки он чувствовал себя обязанным помогать людям, которых презирал, и потому был в замешательстве. Также Джошуа смущало, что он проводит столько времени один, причем с наслаждением. Вот почему он решил поговорить с сестрой Агнес.

Сестра Агнес, разумеется, верила в Бога, хоть и своеобразно. В Приюте на стене ее крошечной комнатки висели две картинки – одна с изображением Сердца Христова, другая с Митом Лоуфом¹. А еще она чересчур громко, с точки зрения других сестер, включала старые песни Джима Стейнмана. Джошуа плохо разбирался в мотоциклах, но в коляске древнего «Харлея» сестры Агнес, вероятно, ездил еще апостол Павел. Иногда в гараже на Союзном проезде появлялись фантастически заросшие щетиной байкеры, приезжавшие аж из других штатов. Сестра Агнес угощала их кофе и не разрешала трогать рисунки.

Ее любили все дети, и она платила им тем же, особенно Джошуа – особенно когда он ловко разрисовал «Харлей», в том числе старательно вывел на бензобаке девиз «Лети в рай» потрясающим курсивным шрифтом, который нашел в библиотеке. После этого в глазах сестры

¹ Мит Лоуф – американский рок-певец, кино- и театральный актер.

Агнес Джошуа сделался непогрешим, и она разрешала ему брать свои инструменты в любое время.

Если он и мог кому-нибудь доверять, то только сестре Агнес. Если он странствовал слишком долго, обычная молчаливая сдержанность Джошуа порой превращалась в поток слов, как будто прорывало плотину. Все, что нужно было сказать, он выбалтывал единым порывом.

Поэтому Джошуа пожаловался, каково раз за разом спасать заблудившихся, глупых, неприятных личностей, которые на него пялятся и говорят: «Это ведь ты, да? Мальчик, который умеет переходить, не чувствуя себя первые пятнадцать минут полным дерьмом». Джошуа не знал, как они догадались, но слух каким-то образом разошелся, несмотря на заверения офицера Янсон. Он отличался от других, а отличаться значило Быть Проблемой. Джошуа знал, что Быть Проблемой – плохо, и не мог об этом забыть даже в комнате сестры Агнес. Потому что прямо над двумя картинками – с Сердцем Христовым и с Митом Лоуфом – висела маленькая фигурка человека, которого пригвоздили к кресту, потому что сочли Проблемой.

Сестра Агнес сказала, что, возможно, у него призвание, причем не так уж отличающееся от религиозного служения. Она-то знала, как трудно внушить людям то, чего они не желают понимать, – например, когда она утверждала, что «Громкий крик» – одна из самых благочестивых песен на свете. Сестра Агнес велела Джошуа следовать зову сердца, а еще разрешила приходить и уходить когда вздумается, потому что Приют все-таки был его домом.

Она заверила мальчика, что он может доверять офицеру Янсон, потому что она хороший человек и поклонница Стейнмана (сестра Агнес сказала «поклонница Стейнмана» таким тоном, каким другая монахиня сказала бы «добрая католичка»). Офицер Янсон побывала у сестры Агнес и спросила позволения повидаться с Джошуа. Она нуждалась в помощи.

Глава 9

Тем временем, спустя полгода после Дня перехода, карьера Моника Янсон неожиданно вильнула в сторону.

Янсон встала перед зданием мэдисонского полицейского участка, собралась с духом, передвинула рычажок выключателя на Переходнике и почувствовала привычный удар под ложечку, как только участок исчез, чтобы смениться высокими деревьями и тенью от зеленых крон. На прогалине в первобытном лесу стояли маленькая деревянная хижина с гербом Мэдисонского полицейского департамента и низкая скамейка, а на молодом деревце развевался звездно-полосатый флаг. Янсон села на скамейку и сложила пополам, выжидая, когда пройдет тошнота. Скамейку поставили здесь именно для того, чтобы прибывший мог оклематься после перехода, прежде чем предстать перед коллегами.

После Дня перехода события развивались быстро. Техники явились сюда с выданным в полиции Переходником – прочным, в изящной черной пластмассовой коробке, способной устоять даже против выстрела в упор. Разумеется, как и в случае со всеми Переходниками, Янсон обнаружила это, имея дело с прототипом Линдси – чтобы он заработал, нужно было закончить сборку самостоятельно. Прибор служил исправно, хоть и приходилось пропускать мимо ушей шуточки о картошке, которая играла роль источника энергии. «Порцию фри, пожалуйста». Ха-ха.

Но ничего не удавалось поделать с неизбежной тошнотой, которая мучила большинство людей десять-пятнадцать минут после перехода. Существовало лекарство, которое вроде бы помогало, но Янсон всегда старалась не подсаживаться на таблетки, и потом от этого лекарства моча становилась синей.

Когда тошнота и головокружение отступили, она встала. В тот день, по крайней мере, на «Запад-Мэдисон-1», было безветренно и холодно, пасмурно, но без дождя. Этот последовательный мир оставался по большей части таким же, как и во время ее первого визита, когда Янсон перенеслась сюда из развалин дома Уиллиса Линдси. Шелест листьев, чистый воздух, пение птиц. Но понемногу «Запад-1» менялся, в лес вгрызались просеки, полевые цветы отступали: домовладельцы расширяли свои участки, предприниматели ломали голову, как извлечь выгоду из здешней первоклассной древесины и экзотической природы, а официальные лица, наподобие полицейского департамента, устраивали в соседних мирах плацдармы – пристройки к базовым штаб-квартирам. Поговаривали, что в ясные дни уже был виден смог. Янсон задумалась, сколько времени пройдет, прежде чем в пустом небе появится след самолета.

Она задумалась, где сейчас Джошуа Валиенте. Джошуа, ее постыдная тайна.

Моника чуть не опоздала на встречу с Кличи.

В хижине сильно пахло крепким кофе.

Там находились двое – лейтенант Кличи сидел за столом и смотрел на экран лэптопа, сделанного на заказ и не содержащего никаких железных деталей, а младший офицер по имени Майк Кристофер старательно писал какой-то рапорт в большой тетради с желтыми разлинованными страницами. По-прежнему вынужденные обходиться без электричества, копы заново учились писать красиво – или, по крайней мере, разборчиво.

Кличи помахал ей, не сводя глаз с экрана.

– Кофе. Садись.

Янсон налила кружку кофе, на вид такого крепкого, что ему ничего не стоило растворить бронзовую ложку, которой она его мешала. Она села на грубый самодельный стул. Джек Кличи был приземистый крепыш с лицом, похожим на старый чемодан. Янсон невольно улыбнулась.

– Вы прямо как дома, лейтенант.

Он смерил гостью взглядом.

– Не надо, Янсон. Кто я тебе, Дэви Крокет? Я вырос в Бруклине. Для меня даже Мэдисон – все равно что Дикий Запад. Здесь я себя чувствую как в каком-то гребаном заповеднике.

– Зачем я вам понадобилась, сэр?

– Стратегия, Янсон. Нас попросили поучаствовать в составлении правительственного отчета и рассказать, как мы намерены действовать в непредвиденной ситуации с лишними мирами. Изложить наши планы на ближайшее и дальнейшее будущее. Копия отчета пойдет на федеральный уровень. Шеф взял меня за жабры, потому что, как он верно заметил, у полиции нет никаких планов, ни ближайших, ни дальнейших. До сих пор мы просто реагировали на события.

– И поэтому я здесь?

– Сейчас найду файлы... – он застучал по клавиатуре.

У Кристофера затрещала рация, и он что-то забормотал в ответ. Мобильники здесь, конечно, не работали. Портативные радиопередатчики и приемники нашли себе применение, как только их начали выпускать без железных компонентов, чтобы они не пострадали во время перехода. Поговаривали о том, чтобы проложить сеть старомодных телефонных линий из медной проволоки.

– Так, – Кличчи развернул лэптоп, чтобы Янсон видела экран. – Здесь у меня логи и фрагменты видео. Я пытаюсь понять... Твое имя то и дело всплывает, Янсон, вот почему я тебя вызвал.

Она увидела ссылки на свои рапорты о пожаре в доме Линдси и о панике из-за пропавших детей в первый вечер.

– Мы пережили несколько нелегких дней. Пропавшие дети, которые затем возвращались со сломанными костями, потому что свалились с верхних этажей, или покусанные какими-то тварями. Побег из тюрем. Масса прогулов в школах, офисах, административных учреждениях. Экономика перенесла серьезный удар. Не только национальная, но и мировая. А ты не знала? Как мне сказали, наступил второй День благодарения, прежде чем эти идиоты вернулись на работу. Ну, или большинство из них.

Янсон кивнула. Основная масса людей, которые перешли в первый день, довольно быстро вернулась. Но не все. Бедняки предпочитали переселяться на новые территории; богатым было что терять на Базовой Земле. Поэтому из городов вроде Мумбая и Лагоса, даже из некоторых американских мегаполисов исчезали целые компании уличных ребятишек. Ошарашенные, совершенно не подготовленные, они оказывались посреди дикой природы. В мире, который не принадлежал никому. Так почему он не мог принадлежать им? Американский Красный Крест и другие организации посылали вдогонку спасательные отряды – разгребать последствия неизбежного повторения «Повелителя мух».

Вот что, с точки зрения Янсон, было главным. Поведение Джошуа Валиенте подтверждало это с самого начала. Последовательные миры дарили свободу. Место, куда можно бежать и укрыться. Более того, бесконечное множество таких мест. По всему миру люди, один за другим, просто уходили – без плана, без подготовки. Они исчезали в лесу. И уже поступали жалобы от отчаявшегося, обиженного меньшинства, которое обнаружило, что не в состоянии перейти даже при наличии самых лучших Переходников.

Первоочередной задачей лейтенанта Кличчи, разумеется, было сделать так, чтобы новые миры не обратили против Базовой Земли.

– Вот посмотри, – сказал он. – Как только до людей дошло, преступления стали хитрее. Невероятные ограбления. Уйма террористов-смертников в больших городах. Убийство Брюэр. Во всяком случае, покушение. И тут начинается мелькать твое имя, офицер Янсон...

Янсон вспомнила. Мел Брюэр была блудной женой одного наркобарона, которая пообещала полиции, что будет свидетельствовать против мужа. Ей обеспечили надлежащую защиту. Она едва избежала гибели, когда к ней явился киллер с Переходником. Именно Янсон пришла

в голову идея поместить женщину в подвал. В переходных мирах – «Восток-1» и «Запад-1» – на месте погребов находилась сплошная земля, поэтому перейти напрямую убийца не мог. Нужно было либо заранее вырыть дыру в соответствующем месте, либо взяться за лопату после перехода. Так или иначе, элемент неожиданности утрачивался. На следующее утро все подземные помещения в полицейских участках – и даже в здании Капитолия – переоборудовали в укрытия.

– Ты не единственная, кто до этого додумался, Янсон. Но ты была одной из первых в стране. Я слышал, даже президент спит теперь в бункере под Белым домом.

– Приятно слышать, сэр.

– Да, да. А потом стало еще экзотичней.

– Странно слышать, что экзотика у вас перестала ассоциироваться с массажем, сэр.

– Янсон, не зли меня.

Кличи продемонстрировал сообщения о разных религиозных сектах. Повернутые на Апокалипсисе типы толпой хлынули в «новые Эдемы», полагая, что внезапное появление последовательных миров предвещает Страшный суд. Одна христианская секта утверждала, что Христос выжил после распятия и перешел прямо из гробницы, когда апостолы явились забрать Его тело. От подобных выводов недалеко было до заключения, что Он по-прежнему где-то там, на Долгой Земле. Полиция с огромным трудом наводила общественный порядок.

Кличи отодвинул лэптоп и помассировал мясистую переносицу.

– Я что, Стивен Хокинг?..² У меня мозги кипят. А ты, офицер Янсон, кажется, счастлива, как свинья в луже.

– Я бы так не сказала, сэр...

– Просто скажи, что ты думаешь. Основная проблема – я имею в виду, для нас, мэдисонских ангелов-хранителей, – заключается в том, что на Долгую Землю нельзя протаскать оружие в целостности и сохранности. Так?

– Даже «глок», потому что в нем есть металлические детали. Переходу не поддается никакое железо, сэр. И сталь. Кроме этого, с собой можно взять что угодно. Конечно, в других мирах есть железная руда, но ее нужно добыть, обработать и сделать железо прямо на месте. Нельзя с ним перейти.

– Значит, приходится строить кузницу в каждом новом мире.

– Да, сэр.

– Знаешь, кое-что озадачивает даже такого неуча, как я. Я думал, у всех людей в крови есть железо или типа того. Отчего ж оно не остается на месте?

– В крови, сэр, железо имеет вид органических молекул. В гемоглобине. Молекулы железа выдерживают переход, если находятся в химических соединениях, но только не в виде металла. Например, можно взять с собой ржавчину, потому что это смесь железа с водой и кислородом. Но вы не пронесете пистолет, сэр, за исключением ржавчины на рукоятке.

Кличи смерил ее взглядом.

– Это была непристойная шутка, да, Янсон?

– Что вы, я бы не посмела.

– Кто-нибудь знает, почему все так?

– Нет, сэр.

Янсон по мере сил следила за научными дискуссиями. Некоторые ученые напоминали, что атомы железа самые стабильные, а само железо – конечный результат сложного процесса слияния, который совершается на Солнце. Может быть, поэтому железо и не способно перемещаться между мирами. Может быть, переход, по сути, похож на квантовое туннелирование – маловероятный проход между энергетическими уровнями. А поскольку у железа самое устой-

² Стивен Хокинг – известный физик-теоретик и космолог.

чивое ядро, может быть, ему недостает энергии, чтобы вырваться из энергетической ямы на Базовой Земле. Или же дело в магнетизме. Или еще в чем-то. Никто не знал.

Кличи, человек практический, кивнул.

– По крайней мере, мы выучили правила. Хотя, конечно, это удар под дых для большинства американцев, которым внезапно навязали запрет на ношение оружия. Что дальше? В других мирах нет людей, правильно? Кроме тех, кто пролез туда из нашего.

– Так точно, сэр. То есть насколько нам известно. Систематические исследования пока не проводились даже в соседних мирах. Никто не знает, что скрывается за ближайшим горным хребтом. Но на разведку посылали воздушные шары и делали аэросъемку. Никаких признаков человека.

– Так. Значит, новых миров целая цепочка? В обе стороны, на восток и на запад?

– Да, сэр. Вы просто переходите из одного в другой, как будто идете по коридору. На восток и на запад, хотя названия даны произвольно. Они не соответствуют реальным сторонам света в нашем мире.

– И срезать нельзя? Сразу перемахнуть два миллиона миров?

– Кажется, нет, сэр.

– И сколько же их? Один, два, много? Миллион? Миллиард?

– И этого тоже никто не знает, сэр. Мы даже не выяснили пока, как далеко заходили люди. Процесс... – Янсон помахала рукой, – идет бесконтрольно...

– И каждый из миров – целая отдельная Земля?

– Насколько нам известно.

– А Солнце? Марс и Венера? Луна, наконец. Они такие же, как наши? То есть...

– Каждая Земля расположена в своей вселенной, сэр. Звезды те же самые. И дата совпадает. Даже время суток. Астрономы установили это с помощью звездных карт. Они бы уж заметили расхождение на век-другой.

– Звездные карты. Века. Гос-споди. Кстати, я приглашен на совещание по поводу юрисдикции, где председательствовать будет сам губернатор. Если человек совершит преступление, скажем, на «Мэдисон-Запад-14», блин, я вообще имею право его арестовать?!

Янсон кивнула. Вскоре после Дня перехода, в то время как одни люди просто уходили в никуда, другие начали заявлять права. Человек селился, вбивал табличку с названием и намеревался выращивать пшеницу и растить детей в девственном мире. Но кому, в конце концов, этот мир принадлежал? Заявить права несложно, но подтвердит ли их правительство? Считаются ли последовательные Америки территорией Соединенных Штатов? Наконец власть решила прийти к какому-то общему мнению.

Кличи сказал:

– Говорят, президент собирается объявить все последовательные Америки суверенной территорией Штатов, на которой действуют соответствующие законы. Последовательные территории «находятся под эгидой федерального правительства», как-то так. Я так думаю, это упростит дело. Конечно, если можно назвать «упрощением» дежурства, внезапно ставшие бесконечными. Мы работаем на пределе сил. Все агентства. Военных стягивают домой из горячих точек, нацбезы предугадывают бесконечные новые бреши, в которые прорываются террористы, а корпорация тем временем тихонько проникает на Долгую Землю и распускает там щупальца. Черт, говорила мне мама, чтобы я оставался в Бруклине. Послушай, Янсон, – Кличи подался вперед, скрестив руки на груди, полный решимости. – Я объясню, зачем вызвал тебя. Какова бы ни была официальная точка зрения, мы по-прежнему должны поддерживать порядок в Мэдисоне. Так уж нам повезло, что Мэдисон притягивает разных психов.

– Я знаю, сэр...

В Мэдисоне изобрели Переходник, а потому, вполне естественно, город привлекал общее внимание. Изучая донесения о людях, которые приезжали сюда, чтобы начать долгое путеше-

ствие по последовательным мирам, Янсон тоже задумалась, что же их привлекает. Отчего-то переходить из Мэдисона было проще. Она подумала: может быть, главный закон Долгой Земли – стабильность. Может быть, самые древние и прочные участки континентов – похожие на атомы железа, у которых самая стабильная структура – легче открываются вовне. Мэдисон, расположенный в сердце Северной Америки, геологически был одним из наиболее стабильных мест на планете. Янсон решила уточнить у Джошуа, если она его однажды увидит.

Кличчи сказал:

– У нас особая задача. Для этого ты мне и нужна, Янсон.

– Но я не эксперт, сэр.

– Ты эффективно работаешь, не обращая внимания на всякую хрень. Даже в первый вечер ты не потеряла голову и не забыла о наших первоочередных задачах, в то время как некоторые твои уважаемые коллеги прудили в штаны и выблевывали пончики. Я хочу, чтоб ты стала главной по этому вопросу. Понимаешь? Ты будешь исследовать как разовые инциденты, так и стоящие за ними закономерности. Потому что всякие сукины дети придумывают, как бы обернуть случившееся против нас. Ты будешь моим Малдером, офицер Янсон.

Она улыбнулась.

– Скорее Скалли.

– Не важно. Я тебе ничего не обещаю в награду. Мы заключаем неконвенционное соглашение, и твой вклад трудно будет отразить в отчете. Но я постараюсь. Готовься, что придется проводить много времени вдали от дома. И в одиночестве. Твоя личная жизнь...

Янсон пожала плечами.

– У меня кошка. Она сумеет о себе позаботиться.

Кличчи нажал на клавишу. Янсон догадалась, что он изучает ее персональное досье.

– Двадцать восемь лет...

– Двадцать девять, сэр.

– Родилась в Миннесоте, родители по-прежнему живут там. Нет ни братьев, ни сестер, нет детей. Э... распавшийся нетрадиционный брак?

– Сейчас я одна, сэр.

– Янсон, меня это не интересует, честное слово. Возвращайся на Базовую Землю, договорись с сержантом, подумай, что тебе нужно, чтобы устроиться здесь и в участке на «Востоке-1»... Черт тебя подери, пусть мэр видит, что ты занята делом.

– Есть, сэр.

В общем, Янсон была довольна встречей и своим новым назначением. Она убедилась, что люди вроде Кличчи – и их непосредственное начальство – пытались, в меру сил, разобраться с неожиданным феноменом, внезапным открытием Долгой Земли. Как она знала из новостей и других источников, далеко не во всех странах дела обстояли так.

Глава 10

– Господин премьер, почему бы просто не запретить переходы? Это же откровенная угроза для системы безопасности!

– Джеффри, с тем же успехом можно запретить дышать. Даже моя мать переходила!

– Но население бежит. Бедные кварталы совсем опустели. Экономика терпит крах. Мы должны что-то предпринять!

Гермиона выдержала тактичную паузу.

Гермиона Доуз прекрасно умела держать паузу. Она гордилась способностью отсеивать то, что люди говорили, от того, что они хотели сказать. Этот навык она с успехом практиковала на протяжении почти тридцати лет, работая на политических зубров всех мастей. Она так и не вышла замуж, и, казалось, Гермиону не пугало одиночество: она со смехом рассказывала подругам-секретаршам, что золотое кольцо, которое она носила, играет роль пояса целомудрия. Она была достойна доверия – и ей доверяли; шефы отмечали, что единственный незначительный недостаток Гермионы Доуз в том, что она старательно коллекционировала все песни Боба Дилана.

Она чувствовала, что никто из коллег ее не знает, – даже джентльмены, которые периодически, когда Гермиона была на работе, влезали к ней в квартиру и устраивали осторожный обыск. Несомненно, они обменивались улыбками, осторожно кладя на место крошечную щепочку, которую Гермиона каждый день всовывала между входной дверью и косяком. Она тоже улыбалась – когда замечала, что чьи-то большие грубые ноги в очередной раз раздавили крошку меренги, которую она неизменно бросала на ковер перед дверью гостиной и на которую они никогда не обращали внимания.

Поскольку Гермиона не снимала кольцо, никто, кроме нее самой и Господа Бога, не знал, что изнутри (за немалую сумму) была выгравирована строчка из песни Боба Дилана: «Все в порядке, мама, я истекаю кровью». Гермиона гадала: способен ли в наши дни хоть один проныра из числа ее коллег, включая большинство министров, опознать цитату?

И вот, спустя несколько лет после Дня перехода, в кабинете министров шли взволнованные дискуссии, а Гермиона размышляла, не слишком ли она стара, чтобы работать с мэтрами, в противоположность идиотам.

– Значит, нужно лицензировать Переходники. Долгая Земля – это, конечно, сточная труба в экономическом отношении, но штраф за использование Переходников принесет хоть какой-то доход!

– Не говорите глупостей, – премьер-министр откинулся на спинку кресла. – Вы серьезно? Мы не можем запретить переходы только потому, что не в состоянии их контролировать.

Министр здравоохранения и безопасности, казалось, испугался.

– А я не понимаю, почему нельзя. Раньше нас это не останавливало.

Премьер-министр постучал ручкой по столу.

– Центральные районы пустеют. Экономика в упадке. Разумеется, есть и светлая сторона: эмиграция перестала быть проблемой... – Он засмеялся, но тут же приуныл, и в его голосе, как показалось Гермионе, зазвучало отчаяние. – Знаете, господа, ученые говорят, что параллельных миров может быть больше, чем людей на Земле. Какую политику мы изберем, зная *это*?

Хватит.

Гермиона вдруг поняла, что чаша переполнилась.

Хотя шумный, нелепый и бессмысленный разговор продолжался, она, с тонкой улыбкой на губах, набросала пару строк безупречной питмановской скорописью, положила блокнот на стол и, получив кивок одобрения от премьер-министра, встала и покинула кабинет. Возможно, никто даже не заметил ее ухода. Оказавшись на Даунинг-стрит, она перешла в параллельный

Лондон, который кишел охраной. Но за несколько лет Гермiona настолько примелькалась, что полицейские проверили у нее документы и пропустили.

Она перешла еще раз. И еще, и еще...

Впоследствии, когда Гермiony Доуз хватились, один из секретарей расшифровал оставленную записку с деликатными росчерками и изящными изгибами.

– Похоже на стихи, сэр. Или на песню. Что-то о людях, которые критикуют то, чего не в силах понять. – Она взглянула на премьер-министра. – Что это значит, сэр? Сэр? Вы в порядке, сэр?

– Вы замужем, мисс... извините, не знаю, как вас зовут.

– Каролина, сэр. У меня есть парень. Очень надежный, хозяйственный. Я могу вызвать врача, если надо.

– Нет-нет. Просто все мы чертовски не соответствуем ситуации, Каролина. Правительственные дела – просто нелепый фарс. Мы вообразили, что властвуем над своими судьбами. На вашем месте, Каролина, я бы немедленно вышел замуж за этого надежного хозяйственного парня, если вы действительно так считаете, и убрался в другой мир. Куда угодно...

Он плюхнулся в кресло и закрыл глаза.

– Господи, помоги Англии и всем нам.

Каролина не знала, спит он или бодрствует. Наконец она выскользнула за дверь, прихватив забытый блокнот Гермiony.

Глава 11

Через неделю после разговора с Клички коллеги Моники начали называть ее Зловещей Янсон.

А через месяц Зловещую Янсон послали в Приют – «домой», как выражался Джошуа. Это был убогий перестроенный многоквартирный дом на Союзном проезде, в одном из самых неприятных районов Мэдисона. Но она сразу поняла, что Приют хорошо содержат. Там она вновь негласно встретила с четырнадцатилетним Джошуа Валиенте. Янсон поклялась, что, если Джошуа ей поможет, люди будут смотреть на него не как на проблему, а как на человека, который способен найти ответ. Ну... вроде как на Бэтмена.

Вот во что спустя несколько лет после Дня перехода превратилась молодая жизнь Джошуа.

– Вам теперь, наверное, кажется, что это случилось давным-давно, – ровным голосом сказала Селена, вместе с Джошуа углубляясь в недра Трансземного института.

Он не ответил.

– Значит, вы стали героем. У вас есть плащ супермена? – не унималась Селена.

Джошуа не любил сарказм.

– Только дождевик.

– Я пошутила вообще-то.

– Я понял.

Еще одна запретная дверь распахнулась перед ними, открылся очередной коридор.

– По сравнению с нами Форт-Нокс похож на дуршлаг, правда? – почувствовав неловкость, спросила Селена.

– Форт-Нокс сейчас и есть дуршлаг, – ответил Джошуа. – Просто удивительно, что оттуда еще не выносят золотые слитки.

Селена фыркнула.

– Я просто сравнила, Джошуа.

– Да. Я понял.

Она замолчала. Повисшая пауза ее раздосадовала, особенно в связи с тем, что она на самом деле пыталась сказать: что последовательные миры до сих пор пугали. Но, кажется, Джошуа ничего не боялся. Селена заставила себя улыбнуться.

– Здесь я вас оставлю. По крайней мере, пока что. Мне не разрешено подходить слишком близко к Лобсангу. Это можно лишь немногим. Я знаю, Лобсанг хочет обсудить один проблемный отчет по итогам вашего недавнего путешествия в отдаленные последовательные миры.

Она, конечно, пыталась что-нибудь выведать. Джошуа подумал, что нашел рычаг, которым надеялся воспользоваться Лобсанг, чтобы завербовать его.

Он ничего не сказал, и Селена не добила никакой реакции.

Она вежливо провела Джошуа в комнату.

– Приятно было познакомиться лично.

Он ответил:

– Желаю вам такого рейтинга, о каком вы сами мечтаете, Селена.

Она застыла перед закрывающейся дверью и была готова поклясться, что бесстрастное лицо Джошуа расплылось в улыбке.

Внутренние покои этой внушительной цитадели напоминали кабинет джентльмена эдвардианской эпохи, вплоть до камина, в котором потрескивало полено. Огонь, впрочем, был ненастоящим и даже не вполне убедительным, с точки зрения Джошуа, который каждую ночь, которую проводил в лесу, разводил настоящий костер.

– Добрый день, Джошуа, – произнес голос из ниоткуда. – Жаль, что вы меня не видите, но дело в том, что видеть действительно практически нечего. А то, что есть, созерцать, к сожалению, неинтересно.

Джошуа сел в кресло. Некоторое время стояла тишина. Почти дружеская. Рядом потрескивал искусственный огонь. Если прислушаться, можно было различить определенную последовательность, которая повторялась каждую сорок одну секунду.

Голос Лобсанга успокаивающе произнес:

– Кажется, я уделил этому недостаточно внимания. Да, я имею в виду огонь. Не волнуйтесь, Джошуа, я не читаю мысли. Пока что. Но вы каждые несколько секунд поглядываете на камин и беззвучно шевелите губами, когда считаете. Интересно. Никто до сих пор не замечал несовершенство камина. Но вы, Джошуа, конечно, заметили. Вы наблюдаете, слушаете, анализируете и в своем вместительном черепе проигрываете все варианты развития текущей ситуации, какие только в силах представить. Один английский политик некогда сказал, что, если он получит пинка под зад, на его лице не дрогнет ни один мускул, пока он не решит, как быть. Ваша наблюдательность – свойство, которое делает вас весьма полезным. И вы к тому же не боитесь, не так ли? Я не замечаю никаких признаков страха. Наверное, потому, что из всех людей, бывавших в этой комнате, вы – единственный, кто знает, что может уйти в любой момент. Почему? Потому что вы умеете переходить без прибора – да, да, я знаю. И от тошноты вы тоже не страдаете.

Джошуа не проглотил наживку.

– Селена сказала, вы хотите что-то со мной обсудить. Насчет правительственного отчета.

– Да. Экспедиция. У вас ведь были неприятности, если не ошибаюсь, Джошуа?

– Слушайте... Здесь нас только двое, правда? И, если подумать, нет никакой необходимости раз за разом напоминать мне, как меня зовут. Я знаю, зачем вы это делаете. Вы показываете, кто тут главный, – доминантные личности были вечным пугалом для Джошуа. – Я, возможно, не слишком умен, Лобсанг, но необязательно быть гением, чтобы понять правила!

Некоторое время стояла тишина, не считая ритмичного потрескивания фальшивого огня. Потом уже Джошуа понял, что если в разговоре с Лобсангом возникала пауза, то намеренно: тактовая частота, с которой работал Лобсанг, позволяла ему ответить на любой вопрос через долю секунды, причем с тем же успехом, как после многолетнего размышления.

– Знаете, мы с вами мыслим сходно, друг мой, – произнес Лобсанг.

– Давайте пока что будем считаться знакомыми.

Лобсанг засмеялся.

– Конечно. Принимаю поправку и не буду стоять на своем. Или, точнее, бестелесно витать на своем. Но я хотел бы стать вашим другом. Потому что, абстрактно говоря, в любой возможной ситуации мы оба, кажется, пытаемся выяснить, каковы, в конце концов, правила. Я не сомневаюсь, что вы необычайно ценная личность. Вы достаточно умны, Джошуа, иначе не выжили бы в одиночку на Долгой Земле. Да, разумеется, есть люди и поумнее вас, они просиживают штаны в университетах и не усваивают почти ничего. Но умный обязан идти не только вдаль, но и вглубь. Одни умники скользят по поверхности. А у других жернова движутся медленно, как десница Господа Бога, и мелют до зернышка. Когда они докапываются до ответа, то не забывают его проверить. Вот как обстоит дело с вами, Джошуа. – Лобсанг вновь засмеялся. – Кстати говоря, мой смех не диктофонная запись. Каждый раз он уникален и порожден моментом, а потому явно отличается в разных ситуациях. Я рассмеялся просто так. Я ведь был человеком. И остаюсь им. Джошуа, давайте узнаем друг друга поближе. Я хочу помочь вам. И, разумеется, хочу, чтобы вы помогли мне. На мой взгляд, никто лучше вас не подходит для того, чтобы отправиться со мной в экспедицию, которую я планирую и которая предполагает очень дальние переходы. Думаю, вы оцените идею. Вам ведь хорошо вдали от безумной толпы, Джошуа, не так ли?

– Роман Томаса Гарди называется «Вдали от обезумевшей толпы».

– Ну да, конечно. Но я решил допустить маленькую оговорку, чтобы не выглядеть всезнайкой.

Джошуа раздражало столь неуклюжее соображение.

– Лобсанг, каким образом вы вознамерились мне помочь?

– Я знаю: то, что случилось с правительственной экспедицией, – не ваша вина. И я могу это доказать.

Ага, теперь они заговорили серьезно.

– А, те уроды, – сказал Джошуа.

– Да, да, уроды, – подтвердил Лобсанг, – именно так вы их и называли во время предварительного расследования. Незвестная разновидность приматов, похожих на чрезвычайно отталкивающих плотоядных бабуинов. Но подозреваю, что Линнеевское общество не одобрит вашего определения. «Уроды»!

– Я никого не убивал. Да, я предпочитаю обходиться без людей. Но у меня нет причин кого-либо убивать. Вы читали отчет? Эти уро...

– Давайте будем говорить «бабуины», Джошуа, пожалуйста. Исключительно для протокола.

Это был платный контракт, сделка, которую устроила его старая знакомая, офицер Янсон... «Ты растешь, а я старею, Джошуа, – сказала она. – Я принесла тебе правительственное задание. Будешь чем-то вроде телохранителя и проводника...»

Экспедиция намеревалась отправиться на запад, в дальние миры. Она состояла из ученых, юристов и одного конгрессмена, а также отряда солдат. Все закончилось кровавой бойней.

Ученые собирали информацию. Юристы фотографировали конгрессмена, который шагал из одного мира в другой, зримо предъявляя права на последовательные Америки и символически утверждая власть Базового федерального правительства. Солдаты жаловались на еду и стертые ноги. Джошуа охотно помогал путешественникам, отрабатывая полученные деньги, но в то же время не терял благоразумия и не щеголял умением переходить без прибора и без неприятных последствий. Поэтому он прихватил с собой смесь из кислого молока и мелко нарезанных фруктов, которая могла сойти за рвоту – неизменный эффект перехода. В конце концов, кто стал бы рассматривать вблизи?

Все шло хорошо. Они ворчали, ссорились и жаловались на протяжении двух тысяч миров, и после каждого перехода Джошуа имитировал тошноту, разбрызгивая поддельную блевотину. А потом на экспедицию напали.

Обезьяны вроде бабуинов, но умнее и злее. «Супербабуины», как называли их ученые. А Джошуа, наблюдая за мелькающими вдалеке розовыми задницами, когда обезьяны бросились наутек, подумал «уроды».

В любом случае такова была его версия случившегося. Проблема заключалась в том, что не осталось свидетелей, способных ее подтвердить. Трагедия произошла слишком далеко, чтобы послать туда следственную комиссию.

– Эти твари спланировали атаку! Они не тронули меня, после того как я уложил двоих из них, но перебили солдат, а ученые вообще не умели защищаться!

– И вы оставили трупы бабуинам?

– Знаете, трудно копать могилу, держа одной рукой деревянную лопату, а другой – пластмассовый пистолет. Я сжег лагерь и свалил оттуда.

– Я подумал, что уклончивый вердикт следствия довольно-таки несправедлив по отношению к вам. Он открывает путь сомнениям. Запомните, Джошуа: я могу подтвердить правдивость ваших слов. Доказать, что примерно в километре от лагеря у водопоя есть черный валун, как вы и сказали, и за ним по-прежнему лежат останки крупного самца, которого вы застрелили. К счастью, валун состоит из низкосортного угля.

– Откуда вы знаете?

– Я прошел по вашим следам. Отчеты, которые вы привезли, были весьма точны. И я там побывал, Джошуа.

– Вы туда ходили? Когда?

– Вчера.

– Вы туда ходили вчера?

Лобсанг терпеливо повторил:

– Я отправился туда и вернулся вчера.

– Невозможно! Нельзя переходить так быстро!

– Так вам кажется, Джошуа. Но в свое время вы поймете. Вы действительно попытались забросать трупы камнями и сделать нечто вроде надгробия, как и сказали во время следствия. Я принес фотографии в качестве доказательства. Доказательства ваших слов. Понимаете? Более того, я реконструировал случившееся. Исследовал феромонные следы, проверил угол огня, положение тел. Разумеется, я взял образцы ДНК. И даже прихватил череп животного – и пулю, которая его убила. Все соответствует вашим показаниям. Солдаты не сумели оказать должного сопротивления, когда уроды-бабуины напали на экспедицию, я прав? «Супербабуины» – маньятки по меркам животного мира. Они невероятно агрессивны. Но я сомневаюсь, что они атаковали бы вас, если бы один рядовой не запаниковал и не выстрелил первым.

Джошуа вздрогнул от смущения.

– Если вы все это выяснили, то наверняка знаете, что я наложил в штаны во время перестрелки.

– И что, вы должны теперь упасть в моем мнении? Кстати, для животных нормально в угрожающей ситуации сбросить балласт. Примером тому служат поля сражений и любая парящая в воздухе певчая птица. Но вы вернулись, нанесли одному из супербабуинов рану в голову и преследовали остальных, пока не застрелили вожака. Вы вернулись, и это многое извиняет.

Джошуа ненадолго задумался.

– Так. Я понимаю. Вы можете меня обелить. Но зачем я вам вообще понадобился?

– Мы долго спорили. Вы нужны нам по той же причине, по какой Янсон сразу же порекомендовала вас для экспедиции Поппера. Знаете, что такое синдром Дэниэла Буна, Джошуа? Очень редкая штука. Вы не нуждаетесь в людях. Вы любите людей, по крайней мере некоторых, но их отсутствие вас не пугает. И там, куда мы направимся, это качество найдет себе применение. Я сомневаюсь, что по пути мы встретим изобилие человеческих существ. Ваша помощь нужна мне именно потому, что вы способны сосредоточиться, вас не отвлекает необычайное безлюдье Долгой Земли. Офицер Янсон с самого начала поняла, что ваш уникальный талант – способность переходить без посторонней помощи, а главное, быстро оправляться после каждого перехода – может быть полезен, если случатся неприятности. А они, несомненно, случатся. Если вы согласитесь меня сопровождать, то получите щедрую награду, соответствующую вашим нуждам. В том числе официальный отчет о гибели правительственной экспедиции, полностью обеляющий вас. Власти получат его на следующий день после нашего отбытия.

– Я стою стольких забот?

Лобсанг вновь рассмеялся.

– Джошуа, что такое стоимость? И что такое ценность в наши дни, когда золото ценят исключительно за блеск, потому что каждый может открыть персональную золотую шахту? Что такое собственность? Физические характеристики Долгой Земли позволяют каждому, при желании, обладать целым миром. Настала новая эпоха, Джошуа, а значит, будут новые ценности и новые приоритеты – любовь, сотрудничество, доверие. И превыше всего, о да, дружба Лобсанга. Послушайте, Джошуа Валиенте. Я намереваюсь дойти до края света – точнее, до края Долгой Земли. И я хочу, чтобы вы отправились со мной. Вы согласны?

Джошуа сидел и смотрел в никуда.

– Знаете, теперь потрескивание огня звучит совершенно естественно.
– Да. Исправить было несложно. Я подумал, что тогда вы немного расслабитесь.
– Значит, если я соглашусь, вы аннулируете отчет следственной комиссии?
– Да, разумеется. Обещаю.
– А если я откажусь, что тогда?
– Я все равно разберусь с отчетом. На мой взгляд, вы сделали все, что могли, и гибель экспедиции – определенно не ваша вина. Доказательства будут представлены экспертам.

Джошуа встал.

– Правильный ответ.

Вечером Джошуа сидел за компьютером в Приюте и читал о Лобсанге.

Считалось, что Лобсанг существовал в высокоплотном запоминающем устройстве с возможностью быстрого доступа, где-то в Массачусетском технологическом университете, а стало быть, совершенно за пределами Трансземного института. Прочтя это, Джошуа ощутил уверенность в том, что существо, обитающее в снабженном мощными кулерами ящике, – не Лобсанг, во всяком случае, не *весь* Лобсанг. При своем уме – несомненном уме – он просто обязан был распространиться *повсюду*. Отличное средство против кнопки «выкл.». Лобсанг наверняка создал себе положение, при котором никто не мог им командовать, даже всемогущий Дуглас Блэк. «Он знает правила», – подумал Джошуа.

Он выключил компьютер. Еще одно правило: сестра Агнес свято верила, что оставленные включенными компьютеры рано или поздно взрываются. Джошуа в молчании откинулся на спинку стула и задумался.

Лобсанг – человек или искусственный интеллект, подражающий человеку? Он напоминал смайлик – две точки и улыбка, вот и человеческое лицо. Что минимально нужно, чтобы *увидеть* перед собой человека? Что он должен сказать, над чем посмеяться? В конце концов, люди созданы из глины – ну, в переносном смысле, хотя Джошуа плохо понимал метафоры, считая их чем-то вроде фокуса. Надо признать, Лобсанг и в самом деле хорошо угадывал мысли Джошуа, как мог бы угадывать восприимчивый человек. Возможно, единственная разница между умной симуляцией и живым человеком – это шум, который они издают при ударе...

Но... край Долгой Земли?

Существовал ли он? Говорили, что параллельные земли представляют собой круг, потому что с помощью Переходника можно было идти либо на восток, либо на запад. И поэтому люди считали, что восток однажды встретится с западом! Но никто не знал наверняка. Никто не знал, отчего вообще появились последовательные миры. А вдруг настало время выяснить?

Джошуа посмотрел на последний Переходник, который только что собрал. Там был двухполюсный, двухпозиционный переключатель, который он заказал в Интернете. Коробочка лежала на столе – красно-серебряная, очень профессионального вида, в отличие от первого Переходника, для которого Джошуа использовал переключатель, снятый со старого подъемника. Он всегда брал с собой Переходник, потому что до него дошло: раз он не знает, каким образом переходит, неразумно отказываться от прибора. Способность, которая появилась внезапно и необъяснимо, может столь же легко исчезнуть. И потом, Переходник служил прикрытием. Джошуа не хотел выделяться из толпы путешественников.

Повертев коробку в руках, Джошуа задумался: знает ли Лобсанг, какая самая интересная часть конструкции? Он понял это в День перехода; честно говоря, ответ был очевиден. Странная маленькая подробность, которой никто как будто не придавал особого значения. Но офицер Янсон замечала такие подробности. Наверное, потому, что привыкла следовать инструкциям. Переходник работал лишь в том случае, если человек собрал его сам или, по крайней мере, завершил сборку.

Джошуа побарабанил пальцами по коробке. Он мог отправиться с Лобсангом – а мог остаться. Джошуа было двадцать восемь, разрешения спрашивать он не собирался. И на нем действительно висел проклятый отчет.

И Джошуа всегда нравилось быть вне досягаемости.

Несмотря на обещание, которое дала ему Янсон много лет назад, пару раз плохие парни пытались его достать. Вскоре после Дня перехода какие-то люди со значками вошли в Приют и попытались забрать Джошуа с собой, но сестра Агнес уложила одного из них монтировкой, а потом приехали копы, в том числе офицер Янсон. В дело вмешался мэр, и оказалось, что среди ребят, которых выручил Джошуа в День перехода, был его сын. В результате три неизвестных черных автомобиля спешно укатали из города. И тогда установили правило: всякий желающий поговорить с Джошуа должен сначала увидеться с офицером Янсон. Мэр сказал: Джошуа не представляет собой проблемы. Проблему представляют преступность, побег из тюрем и падающий уровень безопасности. Городскому совету объяснили, что Джошуа, возможно, странно-ват, но в то же время обладает чудесным даром; офицер Янсон засвидетельствовала, что он уже оказал неоценимую услугу Мэдисонскому полицейскому департаменту. Такова была официальная позиция.

Но не всегда она приносила утешение самому Джошуа, который терпеть не мог, когда на него глазели. Все возрастающее число людей знало, что он от них отличается, и не важно, считали они Джошуа проблемой или нет.

В последнее время он уходил один, глубже и глубже удаляясь в последовательные миры и оставляя далеко позади форты в духе Робинзона Крузо, которые строил подростком. Джошуа забирался в такие отдаленные места, где не нужно было беспокоиться о всяких психах – даже психах со значками и ордерами. Если они и появлялись, он шел дальше; когда они переставали блевать, Джошуа уже отделяла от них сотня миров. Хотя иногда он возвращался и связывал им шнурки, пока они выворачивались наизнанку. Время от времени нужно как-то развлекаться. Путешествия становились все более и более дальними и долгими. Джошуа называл их «творческий отпуск». Он нашел способ уйти от толпы и избавиться от неприятного давления в голове, которое он чувствовал, находясь на Базовой Земле и даже на Ближних Землях. Давление, которое мешало слушать Тишину.

Да, он был странным. Но сестры сказали, что странен весь мир. Сестра Джорджина так и объяснила, с вежливым английским акцентом. «Возможно, Джошуа, ты просто слегка опередил человечество. Думаю, ты чувствуешь себя, как первый *Homo sapiens*, когда смотришь на наши Переходники и на то, как нас тошнит. Наверное, *Homo sapiens* гадал, отчего остальным с таким трудом удастся произнести подряд два звука». Но Джошуа сам не знал, нравится ли ему отличаться от остальных, даже если непохожесть была связана с превосходством.

И все-таки сестру Джорджину он любил почти так же, как сестру Агнес. Сестра Джорджина цитировала Китса, Вордсворта и Ральфа Уолдо Эмерсона. Она училась в Кембридже – «не в том Кембридже, который в Массачусетсе, а в настоящем, который в Англии». Иногда Джошуа приходило в голову, что сестры, заправлявшие Приютом, совсем не похожи на монахинь, которых он видел по телевизору. Когда он спросил об этом у сестры Джорджины, она засмеялась и сказала: «Наверное, потому, что мы такие же, как ты, Джошуа. Мы здесь потому, что больше никуда не вписываемся». Он понял, что будет скучать по ним, когда отправится в путь с Лобсангом.

Отчего-то ответ пришел сам собой.

Глава 12

Через неделю после разговора в Трансземном институте сестра Агнес отвезла Джошуа в региональный аэропорт округа Дейн на своем «Харлее». Редкая честь. Он на всю жизнь запомнил, как по прибытии она сказала, что Бог, видимо, хотел, чтобы Джошуа успел на самолет. Каждый светофор по пути зажигался зеленым, как только она собиралась тормозить (насколько сестра Агнес вообще была склонна тормозить). Джошуа, впрочем, заподозрил, что ответственны за это подпрограммы Лобсанга, а отнюдь не воля Божья.

Джошуа бывал на бесчисленных Землях, но никогда раньше не летал на самолете. Сестра Агнес, хорошо знакомая с процедурой, проводила Джошуа до самой стойки регистрации. Щелкнув нужной кнопкой, дежурный вдруг притих и взял телефон; Джошуа начал сознавать, что значит быть другом Лобсанга, когда его поспешно отделили от пассажирской очереди и повели по коридорам – вежливо, словно политика, прибывшего из какой-нибудь страны, которая владеет ядерным оружием и склонна относиться безалаберно к технике безопасности.

Джошуа провели в комнату с баром длиной с прилавков в закусочной. Зрелище впечатляло, но Джошуа пил редко и предпочел бы гамбургер. Когда он полушутя упомянул об этом молодому человеку, который нервно пританцовывал рядом, то через пару минут получил отличный гамбургер, до отказа набитый всякой всячиной, за которой котлета едва виднелась. Джошуа еще переваривал угощение, когда молодой человек появился рядом и проводил гостя в самолет.

Его место находилось сразу же за кабиной экипажа, отделенное от салона бархатной занавеской. Никто не спросил паспорт, которого у Джошуа в любом случае не было. Никто не удосужился проверить, не спрятал ли он в ботинке взрывчатку. И никто во время рейса не заговаривал с ним. Джошуа безмятежно просматривал сводку новостей.

В аэропорту Чикаго его пересадили в другой, удивительно маленький, самолет, ожидавший в стороне от основного терминала. Внутри все, что не было обито кожей, покрывали ковры, а остальное заслоняла ослепительная улыбка молодой особы, которая, когда Джошуа сел, вручила ему колу и телефон. Джошуа задвинул свою небольшую сумку под переднее сиденье, чтобы не терять ее из виду. Потом включил мобильник.

Лобсанг позвонил немедленно.

– Приятно знать, что вы уже на борту, Джошуа. Как вам поездка? Сегодня самолет в вашем распоряжении. Позади вас спальня, которая, как мне сказали, чрезвычайно удобна. И не стесняйтесь пользоваться ванной.

– Полет будет долгим?

– Увидимся в Сибири, Джошуа. Засекреченный объект. Вы понимаете?

– Объект, который не высвечивается на радарх...

«И там, – подумал Джошуа, – они строят – что?..»

– Правильно. Неужели я раньше не упоминал про Сибирь?

Послышался шум моторов.

– Кстати, за штурвалом сидит не робот. Люди, насколько я понимаю, предпочитают видеть за приборной доской живого человека в форме. Но не пугайтесь. На самом деле полет контролирую я.

Джошуа откинулся на спинку роскошного кресла и разложил мысли по полочкам. Он подумал: Лобсанг настоящий эгоист, как сказали бы сестры. Но, возможно, Лобсанг просто занимал слишком много места – чем и заполнить такой объем, как не собой. Джошуа, некоторым образом, был окутан Лобсангом. Он не особенно разбирался в компьютерах и в фантастической электронной цивилизации машин. В параллельных мирах не существовало мобильной связи, поэтому рассчитывать приходилось только на себя – на то, что ты знал и умел. При

помощи отличного ножа из закаленного стекла Джошуа выживал в любых обстоятельствах. И ему нравилось так жить. Не исключено, что по этому поводу предстояли некоторые трения с Лобсангом – во всяком случае, с той частью Лобсанга, которая отправлялась в путь.

Самолет взлетел, производя не больше шума, чем швейная машинка сестры Агнес, стоявшая в соседней комнате. Во время полета Джошуа смотрел первую серию «Звездных войн», потягивал джин с тоником и наслаждался детскими воспоминаниями. Потом он принял душ, не из необходимости, а из интереса, и улегся на огромную кровать. Юная особа последовала за ним и несколько раз спросила, не хочет ли он еще чего-нибудь. Кажется, она была разочарована, когда Джошуа попросил всего лишь стакан теплого молока.

Некоторое время спустя он проснулся и обнаружил, что стюардесса пытается его пристегнуть. Он оттолкнул ее – Джошуа ненавидел любые ограничения. Девушка спорила с вежливой непреклонностью, как положено стюардессе, пока не зазвонил телефон. Ответив на звонок, она сказала:

– Прошу прощения, сэр. Насколько я понимаю, правила безопасности временно отменяются.

Он ожидал, что Сибирь будет плоской, ветреной, холодной. Но там было лето, и самолет спускался среди невысоких холмов, покрытых темной травой, среди которой цветы и бабочки казались брызгами яркой краски – красной, желтой, синей. Сибирь поразила Джошуа неожиданной красотой.

Самолет буквально поцеловал посадочную полосу.

Зазвонил мобильник.

– Добро пожаловать в Никуда, Джошуа. Надеюсь, вы и впредь будете летать рейсами Несуществующей авиакомпании. В шкафу за дверью вы найдете термобелье и подходящую верхнюю одежду.

Джошуа, покраснев, отказался, когда стюардесса предложила ему помощь в натягивании термобелья. Тем не менее он не отказался от лишней пары рук, надевая объемную верхнюю одежду, в которой, по ощущениям, походил на рекламный пончик – но она оказалась удивительно легкой.

Он спустился по трапу и увидел группу людей, одетых точно так же. Во влажном воздухе Джошуа немедленно вспотел. Один из мужчин, ухмыльнувшись, воскликнул «На Запад!» с отчетливым бостонским акцентом, нажал переключатель на коробочке, пристегнутой к поясу, и исчез. Вслед за ним стали пропадать и остальные.

Джошуа перешел на Запад и оказался почти в точно таком же месте, с той разницей, что там мела метель. Он понял, зачем понадобилась зимняя одежда. Неподалеку стояла хижина, и бостонец манил его, стоя за полуоткрытой дверью. Хижина походила на гостевые домики – приюты для путешественников, ставшие распространенными в последовательных мирах. Они были сугубо утилитарны – укрыться от ветра, проблеветаться и подождать относительного улучшения, прежде чем двинуться дальше.

Бостонец, которого явно мутило, закрыл за Джошуа дверь.

– Вы ведь и есть он, да? Хорошо себя чувствуете? Меня самого почти не тошнит, но... – он махнул рукой.

Джошуа посмотрел в дальний угол, где вниз лицом на краю узкой постели лежали двое, и у каждого под головой стояло ведро. Запах был очень красноречив.

– Если вы в порядке, тогда двигайтесь дальше. Вы здесь желанный гость. Необязательно нас дожидаться. Нужно сделать еще три перехода на Запад. На каждом будет пункт отдыха – но, полагаю, они вам не потребуются. И... вы это правда умеете? В смысле, как вы это делаете?

Джошуа пожал плечами.

– Не знаю. Дар, наверное.

Бостонец открыл дверь.

– Эй, прежде чем вы пойдете... у нас тут есть поговорка: осторожней, когда ступаешь в степь.

Когда Джошуа безуспешно попытался выдавить смешок, бостонец виновато произнес:

– Сами понимаете, мы редко принимаем гостей. Удачи, приятель.

Три перехода – и Джошуа оказался под дождем. Невдалеке стояла очередная хижина, а рядом еще двое сотрудников, в том числе женщина. Она пожала Джошуа руку.

– Рада вас видеть.

Она говорила с сильным русским акцентом.

– Как вам нравится наша погода? В здешней Сибири на два градуса теплее, никто не знает почему. Я должна дожидаться остальных, а вы идите по дороге из желтого кирпича.

Она показала на вереницу оранжевых маркеров на палках.

– Так ближе всего на стройку.

– На стройку? Что там строят?

– Поверьте, вы мимо не пройдете.

Он и не прошел. Целые акры леса были вырублены, а над голой землей витало нечто, с первого взгляда похожее на парящий в воздухе дом. Парящий, да; сквозь пелену дождя Джошуа разглядел отходящие к земле тросы. Настоящий летающий кит. Частично надутая оболочка представляла собой мешок из какого-то сверхпрочного волокна, украшенный логотипами Трансземного института, а внизу висела гондола, совершенно в стиле ар-деко, с несколькими палубами, сплошь из полированного дерева и зеркального стекла.

Воздушный корабль!

Пока Джошуа стоял и смотрел, к нему заспешил человек, размахивая телефоном.

– Вы Джошуа?

Акцент у него был европейский, возможно – бельгийский.

– Приятно познакомиться. Очень рад. Идите за мной. Давайте я понесу вещи.

Джошуа выдернул сумку так быстро, что, должно быть, обжег непрошеному помощнику ладонь.

Мужчина отступил на шаг.

– Простите, простите. Если хотите, оставьте вещи при себе; в отношении вас правила безопасности не действуют. Пойдемте.

Джошуа зашагал вслед за ним по раскисшей земле, под бесформенную оболочку. Гондола, имевшая форму корпуса деревянного корабля, была привязана к подъемному крану, скорее всего сделанному из добытого на месте железа, с открытой кабиной лифта внизу. Его проводник осторожно забрался внутрь и, как только Джошуа присоединился к нему, нажал на кнопку.

После короткого подъема они, пройдя через люк в брюхе гондолы, укрылись от дождя. Джошуа оказался в маленьком помещении, где насыщенно пахло полированным деревом. Там были окна или, скорее, иллюминаторы, но сейчас за ними виднелись только полосы дождя.

– Хотел бы я отправиться с вами, молодой человек, – бодро объявил бельгиец. – Полететь куда-нибудь на этой штуке... нам-то, конечно, не нужно знать куда. Если будет время, оцените, как она устроена. Никакого железа, разумеется, алюминиевый корпус... вот так. Мы все ею гордимся. Приятного путешествия, наслаждайтесь!

Он зашел в лифт, и кабина исчезла из виду. Крышка люка скользнула на место, закрыв отверстие в полированном полу.

Зазвучал голос Лобсанга:

– Еще раз приветствую вас на борту, Джошуа. Ужасная погода, да? Ничего страшного, скоро мы поднимемся над облаками, а точнее сказать, просто улетим от дождя.

Джошуа ощутил рывок, и пол качнулся.

– Нас отцепили от взлетной площадки. Мы уже летим?

– Ну, вас бы не привели сюда, если бы корабль не был готов к отлету. Внизу как раз уничтожают лагерь, после чего сюда упадет уменьшенная версия Тунгусского метеорита.

– Я так понимаю, в целях безопасности.

– Конечно. Что касается рабочих, это пестрая компания – русские, американцы, европейцы, китайцы. И среди них нет людей, склонных общаться с представителями властей. Умные ребята, которые работали уже на многих объектах. Очень полезные и похвально забывчивые.

– Чей это был самолет?

– А, вам понравилось? «Лир» принадлежит акционерной компании, которая время от времени сдает его одной рок-звезде. Сегодня звезда страдает, что самолет на техосмотре и потому недоступен. Но скоро она утешится, узнав, что ее последний альбом поднялся в хит-параде на две строчки. Возможности Лобсанга велики. Итак, мы отправляемся...

Внутренняя дверь бесшумно открылась, и Джошуа увидел коридор с деревянными панелями и неяркими лампами, ведущий к синей двери в дальнем конце.

– Добро пожаловать на «Марк Твен». Чувствуйте себя как дома. В этом коридоре вы найдете шесть совершенно одинаковых кают; выбирайте любую. Верхнюю одежду можно снять. Также обратите внимание на синюю дверь. Она, в числе прочего, ведет в лабораторию и мастерскую. Такую дверь вы найдете на каждой палубе, и я попросил бы не заходить за нее без приглашения. Есть вопросы?

Джошуа переоделся в каюте, которую выбрал наугад, и пошел изучать «Марка Твена».

Огромная оболочка, колыхаясь от напора воздуха, была, судя по всему, снаружи покрыта фотогальванической пленкой, служившей источником энергии; увидел он и силовые установки – огромные, хрупкие на вид пропеллеры, которые могли поворачиваться и наклоняться. Гондола изнутри оказалась такой же шикарной, как и снаружи. Несколько палуб с каютами, рулевая рубка, наблюдательный пункт, салон с кухней, оборудованной не хуже, чем в первом классе ресторана, просторный зал, способный вместить пятьдесят обедающих, а еще – совсем уж невероятно – кинотеатр. И на каждой палубе – синяя дверь, закрытая и запертая.

Закончив осмотр, Джошуа начал понимать, в чем суть перехода на воздушном корабле – если только эта штука могла переходить, а он пока что не понимал, каким образом. Большой проблемой для путников были препятствия. Джошуа убедился во время самого первого путешествия на Долгую Землю, что некоторые препятствия просто невозможно обойти – например, достигающий нескольких миль в высоту ледник, который покрывал Северную Америку в ледниковый период. Воздушный корабль был призван решить проблему – он попросту пролетал над такими преградами, как ледники и разлившиеся реки, делая путешествие гораздо более гладким.

Джошуа спросил у воздуха:

– Зачем он такой большой, Лобсанг?

– А почему бы нет? К чему прятаться? Я хочу, чтобы мое экспедиционное судно походило на китайские корабли-сокровищницы, которые вселили благоговейный ужас в души индейцев и арабов в пятнадцатом столетии.

– Да уж, ужас вы вселяете. И здесь нет никакого железа, я так понимаю?

– Боюсь, что так. Непроницаемость межмирового барьера для железа по-прежнему озадачивает даже ученых из корпорации Блэка. Много теорий, но мало практических результатов.

– Знаете, когда вы заговорили о путешествии, я решил, что мне придется вас нести.

– Нет-нет. Я встроен в системы корабля. Некоторым образом весь корабль – мое тело. Это я буду вас нести, Джошуа.

– Но переходить могут только разумные существа...

– Да. Я, как и вы, разумен.

И тогда Джошуа понял. Корабль и был Лобсангом или, по крайней мере, его телом; когда Лобсанг переходил, корабль переходил вместе с ним, точно так же как Джошуа «забирал» с собой тело и одежду. Вот каким образом они намеревались перемещаться между мирами.

Лобсанг источал самодовольство и похвальбу.

– Разумеется, ничего бы не получилось, не будь я разумным существом. Вот вам еще одно доказательство, что у меня есть сознание, не правда ли? Технику я уже опробовал – как вы знаете, я отправился по следам вашей злополучной экспедиции. Просто невероятно, да?

Джошуа добрался до самого низа гондолы и вошел на наблюдательный пункт, который уже видел раньше, – в пузырь из закаленного стекла, откуда открывался потрясающий вид на иную Сибирь. Внизу простиралась строительная площадка, которая вторгалась щупальцами в лес – там были склады, домики для рабочих, взлетная полоса...

Джошуа задумался и начал понимать, какого рода прорыв задумал Лобсанг – если только корабль перейдет, как обещано. Никто до сих пор не нашел способа заставить какое-нибудь транспортное средство переходить из мира в мир, как это делали люди. Отсутствие транспорта препятствовало развитию любой торговли на Долгой Земле. В некоторых районах Ближнего Востока и даже в Техасе выстраивались цепочки, передававшие из рук в руки нефть в ведерках. Если Лобсанг действительно нашел решение, каким-то образом превратившись в корабль, – значит, он стал пионером путей сообщения и мир ждали большие перемены. Все миры. Неудивительно, что уровень безопасности был настолько высок. Если только у них получится. Разумеется, пока это эксперимент. Джошуа поплывет над Долгой Землей в чреве серебристого кита.

– Вы серьезно думаете, что я намерен рисковать жизнью, сидя на воздушном шаре?

– Более того. Если «шар» не выдержит испытания, вы доставите меня домой.

– Вы с ума сошли.

– Не исключено. Но у нас контракт.

Синяя дверь открылась, и, к огромному изумлению Джошуа, Лобсанг предстал перед ним во плоти – точнее, в образе ходячего манекена.

– И еще раз добро пожаловать! Я решил, что стоит принарядиться в честь первого путешествия.

Автомат был мужского пола, изящный, спортивного сложения, с внешностью кинозвезды и густыми черными волосами, в черном пиджаке. Он походил на восковое изображение Джеймса Бонда; когда он двигался – а главное, когда улыбался, – ощущение подделки не исчезало.

Джошуа уставился на Лобсанга, стараясь сдержать смех.

– Джошуа?

– Извините! Очень приятно увидеть вас лично...

Палуба завибрировала, когда включились моторы. Джошуа ощутил странный трепет при мысли о фантастическом путешествии, о котором мечтают мальчишки.

– Как по-вашему, что мы там найдем, Лобсанг? Я так думаю, если забраться достаточно далеко, можно встретить что угодно. Как насчет драконов?

– Полагаю, мы должны быть готовы к обнаружению различных форм жизни, способных существовать в имеющихся условиях, в пределах ограничений, налагаемых законами физики. Также следует помнить, что наша планета не всегда была такой мирной, как теперь. Все живые существа на Земле эволюционировали, в том числе с учетом силы тяжести, которая влияет на размеры и морфологию. Поэтому я скептически настроен по отношению к бронированным рептилиям, которые способны летать и извергать пламя...

– Звучит как-то уныло.

– Я не был бы человеком, если бы не сознавал одного важного фактора, а именно, что я могу и ошибаться. И это добавляет интереса.

– В общем, посмотрим. Если ваш корабль перейдет.

Пластмассовое лицо Лобсанга расплылось в улыбке.

– На самом деле мы переходим уже целую минуту.

Джошуа повернулся к окну и убедился, что Лобсанг прав. Стройка исчезла; должно быть, за первые несколько шагов они миновали целый пласт известных миров, хотя слово «известный» звучало как ирония. Даже миры по соседству с Базовым были едва изучены; люди колонизировали Долгую Землю тонкими линиями, которые тянулись по планете. А в глуши лесов могло водиться что угодно... при том что Джошуа, несомненно, заходил в них дальше всех.

– С какой скоростью мы движемся?

– Вы будете приятно удивлены, Джошуа.

– Эта штука изменит мир.

– Знаю. До сих пор Долгую Землю исследовали пешком. Как в Средние века. Нет, даже хуже, ведь мы обходимся без лошадей. Каменный век! Но, конечно, люди упорно двигались вперед, начиная со Дня перехода. Они мечтали о новых границах, о богатствах новых миров...

Глава 13

Моника Янсон всегда хорошо понимала, что именно соблазн неизведанных богатств манил таких, как Джим Руссо, на Долгую Землю, чтобы снова и снова попытать удачи там, где закон порой казался лишь незначительным препятствием на пути амбиций.

Во время первого визита в «Портедж-Восток-3», спустя десять лет после Дня перехода, у Янсон, как только она оправилась после приступа дурноты, ушла всего пара минут, чтобы понять, отчего это место кажется таким знакомым. В новом Портедже стояли паровые лесопилки с трубами, извергавшими дым, и плавильни, откуда пахло раскаленным металлом. Она слышала возгласы рабочих, паровые гудки, мерный лязг кузнечных молотов. Общая картина напоминала романы-фэнтези, которые она читала в детстве. Впрочем, ни в одной книге не было рабочих бригад, которые взваливали на плечи двенадцатиметровые бревна, после чего исчезали. Но Янсон не сомневалась, что в этом конкретном мире скромная так называемая Торговая Компания Долгой Земли превращала уголок последовательного Висконсина в стимпанковый тематический парк.

К ней подошел человек, который заправлял здешними делами.

– Сержант Янсон? Спасибо, что заглянули на мое маленькое предприятие.

Джим Руссо был ниже Янсон, в мятом сером костюме. Ухоженные волосы отливали подозрительно ярким каштановым оттенком, широкая улыбка то ли от природы, то ли с некоторой медицинской помощью лучилась нахальством. Янсон знала, что Руссо сорок пять лет и его трижды объявляли банкротом, но он всегда всплывал и наконец заложил собственный дом, чтобы наскрести денег на новую межмировую авантюру.

– Не за что меня благодарить, сэр, – сказала она. – Вы знаете, наша обязанность – расследовать жалобы.

– А, снова анонимное нытье от рабочих. Ну, это в порядке вещей.

Руссо повел ее по глинистой площадке, явно надеясь впечатлить масштабом деятельности.

– Хотя, пожалуй, я ожидал визита из портеджского полицейского управления. Это наше местное отделение.

– Ваш офис зарегистрирован в Мэдисоне.

Кроме прочего, к Зловещей Янсон часто обращались в серьезных случаях, связанных с проблемами на Долгой Земле в окрестностях Висконсина.

Они остановились, чтобы полюбоваться на очередную бригаду рабочих, которые поднимали чудовищно длинное бревно; десятник скомандовал «раз, два, три», и они перешли с легким хлопком.

– Сами видите, работа кипит, сержант Янсон, – сказал Руссо. – Начали мы, разумеется, с нуля. Только то, что могли принести с собой, и никаких железных инструментов. В первые дни кузницы были главным приоритетом после лесопилок. А теперь у нас поток высококачественного железа и стали, и скоро мы построим паровые комбайны и жатки. Тогда вы увидите, как мы врежемся в здешние леса, словно горячий нож в масло. Наша древесина отправляется на Базовую Землю, где ее ждут сотни грузовиков.

Он подвел Янсон к бревенчатой хижине без передней стенки, служившей своего рода выставочным залом.

– Мы осваиваем и другие области, помимо поставки сырья. Вот, посмотрите.

Руссо показал пистолет, отливавший бронзой.

– Никаких железных деталей. Идеально подходит для современных пионеров. Я знаю, что открытие Новой Земли стало причиной экономического спада, но надо просто подождать. Отток неквалифицированной рабочей силы и переизбыток ценных металлов – все это прой-

дет. Там, на Базовой Земле, Америка проделала путь от колониальной эпохи до высадки на Луну за несколько веков. Не понимаю, почему мы не можем повторить то же самое в любом количестве параллельных миров. Лично я в восторге. Настала новая эра, сержант Янсон, и с такой продукцией я надеюсь оказаться в авангарде...

...как уже надеялись сотни и тысячи бедняков-предпринимателей. Большинство были моложе и умнее Руссо, их не угнетали предыдущие неудачи, которые в случае Руссо начались с комически наивной попытки искать золото в последовательной копии Саттеровой лесопилки. Типичная экономическая ошибка новой эры.

– Проблема в том, мистер Руссо, чтобы сбалансировать доход, который вы получаете, и давление, которое вы оказываете на ваших рабочих. Что скажете на это?

Он добродушно улыбнулся, готовый к этому вопросу.

– Я не строю пирамиды, мистер Янсон. И не подгоняю рабов кнутом.

Но, как понимала Янсон, Руссо создал отнюдь не благотворительное заведение. Рабочие, в основном молодые и необразованные, зачастую не имели никакого представления о том, что происходит на Долгой Земле, пока не отправлялись туда работать. Как только они понимали, что могут употребить свою силу для самих себя, они, как правило, начинали агитировать за то, чтобы присоединиться к одной из новых Компаний, отправиться в неведомые дали и основать колонию. А иногда, если до них доходило, что существует бесчисленное множество миров, которые не принадлежат джимам руссо, они просто удирали в бесконечное пространство. Многие шли и шли, питаясь тем, что удавалось добыть. Это называлось «синдром Долгой Земли». Поэтому на Руссо и жаловались. По слухам, он привязывал рабочих к месту штрафными санкциями, чтобы пресечь бродяжничество, а если они сбегали, посылал вслед погоню.

Янсон вдруг посетило внезапное предчувствие, что Руссо снова потерпит крах, как уже бывало. И когда его предприятие начнет тонуть, он тем более будет склонен решать проблемы простейшим путем.

– Мистер Руссо, давайте обсудим конкретику жалоб. Мы где-нибудь можем поговорить наедине?

– Конечно.

Янсон знала, что на всех ближайших Землях, в параллельных мирах, которые за одну ночь превратились в потогонные мастерские, люди мечтали о бегстве и свободе. Ожидая кофе, она заметила листовку на подносе с письмами – всего лишь грубо отпечатанное на рыхлой бумаге объявление о создании очередной Компании, намеревающейся пуститься на Запад. Грезы о новых рубежах, даже здесь, в кабинете мелкого предпринимателя... Иногда Янсон, которой уже подступило под сорок, задумывалась, не сорваться ли ей самой в дорогу, оставив в прошлом Базовую Землю и гнусные ближние миры.

Глава 14

Мечты о Долгой Земле. Мечты о границах возможного. Да, через десять лет после Дня перехода Джек Грин это понял. Потому что его жена мечтала о новом мире, и Джек боялся раскола в семье.

«1 января. Мэдисон-Запад-5. Мы провели Рождество Рождество дома а сюда приехали погостить на Новый год но потом мы вернемся на Базовую чтобы чтобы опять пойти в школу. Меня зовут Хелен Грин. Мне одинацать одинацать. Моя мама (доктор Тильда Лэнг Грин) говорит чтобы я вела дневник дневник в этой тетрадке которую мне на Рождество подарила тетя Мэрил. потомучто потому что здесь нет никакой эликтроники электроники эта штука не проверяет как я пишу с умма сойти!!!»

Джек Грин осторожно переворачивал страницы дневника, который походил на толстую книгу в мягкой обложке. Такой рыхлой была почти вся бумага, которую производили здесь, на «Западе-5». Он сидел один в комнате Хелен солнечным воскресным вечером. Хелен играла в мяч в Парковой зоне. Кейти тоже гуляла, и Джек даже не знал где. А Тильда внизу болтала с друзьями и коллегами, которым успела внушить мысль о том, что неплохо бы составить Компанию и двинуться на запад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.